

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БЕСѢДЫ О РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(Критическія письма).

Письмо второе.

Поэзія графа А. Толстого, какъ типъ чужезаднаго творчества.

Если мы будемъ разсматривать поэтическое творчество, какъ естественное и непосредственное рефлектированіе впечатлѣній, навѣваемыхъ жизнью, и будемъ обуславливать силу и направленіе его силою и характеромъ впечатлѣній, то подобное воззрѣніе дастъ совершенно иное освѣщеніе двумъ спорнымъ эстетическимъ доктринамъ прошлаго десятилѣтія: доктринѣ искусства для искусства и искусства для жизни. Обыкновенно полагается такъ, что польза и значеніе поэтическихъ произведеній, помимо талантности автора, всецѣло зависятъ оттого, какой изъ двухъ доктринъ придерживается писатель—чистаго или полезнаго искусства: въ первомъ случаѣ, произведенія его должны быть безцѣльны и потому бесполезны, а во второмъ проникнуты самыми современными тенденціями, и въ пользѣ ихъ не будетъ представляться ни малѣйшаго сомнѣнія. На дѣлѣ же и съ точки зрѣнія нашихъ воззрѣній на искусство это не всегда бываетъ такъ: что толку, что поэтъ будетъ исповѣдывать доктрину полезнаго искусства, если въ произведеніи его отразятся впечатлѣнія ничтожныя по своей слабости и маловажности и если оно будетъ ничѣмъ инымъ, какъ рутинною иллюстраціею общихъ мѣствъ, вполне справедливыхъ, но тѣмъ не менѣе намозолившихъ всѣмъ глаза своею стереотипностью? А съ другой стороны, развѣ не можетъ случиться, что хотя бы иной поэтъ держался теоріи разпречистѣйшаго искусства, тѣмъ не менѣе въ его поэтическихъ образахъ отразятся впечатлѣнія сильныя и животрепещущія?

щущія по своему существенному значенію въ жизни, и произведеніе его само по себѣ будетъ въ высшей степени полезно, будетъ имѣть большое значеніе въ литературѣ. Такъ, напримеръ, скажите: какой доктрины, чистаго или полезнаго искусства держались такія свѣтила поэзіи, какъ Дантъ, Шекспиръ или Байронъ? А Гоголь положительно держался теоріи чистаго искусства; но это не помѣшало ему создать рядъ произведеній, по значенію и пользѣ превосходящихъ все созданное до него въ русской литературѣ. А еще лучше возьмите народную поэзію: какой доктрины держится народъ, чистаго или полезнаго искусства, создавая свои пѣсни? Онъ творить ихъ совершенно произвольно, поетъ ихъ также безотчетно, какъ птицы небесныя, а между тѣмъ, много ли найдете вы народныхъ пѣсней, которыя не отражали бы тѣхъ или другихъ роковыхъ и существенныхъ явленій его жизни и не имѣли бы серьезнаго значенія для него?

Такимъ образомъ, нисколько не отвергая, что искусство должно служить не ради однихъ праздныхъ эстетическихъ забавъ и утѣхъ, что оно имѣетъ свое специальное высшее, утилитарное назначеніе въ жизни, мы въ то же время должны признать, что достиженіе этого назначенія или же пребываніе искусства въ области эстетической побрякушности зависитъ вовсе не отъ доброй воли поэта и его эстетическихъ взглядовъ, а отъ характера впечатлѣній, возбуждающихъ его творчество. Характеръ же впечатлѣній зависитъ отъ суммы условій жизни поэта, условій, создаваемыхъ эпохою, средою, наконецъ, обстоятельствами личной жизни. И совершенно подобно тому, какъ жизнь создаетъ различные типы людей той или другой среды, того или другого вѣка, также точно создаетъ она и различные типы поэзіи. Типы эти совершенно подобно людскимъ возникаютъ и исчезаютъ сообразно возникновенію и исчезанію тѣхъ условій, которыя ихъ создаютъ. Такимъ образомъ, если вамъ не нравится какой-нибудь изъ существующихъ поэтическихъ типовъ, то это происходитъ прежде всего отъ того, что онъ чуждъ условіямъ, характеру и складу вашей личной жизни, оттого, что будь вы сами поэтомъ, ваша поэзія принадлежала бы къ другому типу, не имѣющему ничего общаго съ первымъ. Затѣмъ вы можете воздвигать на несимпатичный вамъ типъ поэзіи какія вамъ угодно гоненія, пусть гоненія эти будутъ основаны на исполнѣ неопровержимыхъ, самыхъ глубокихъ и вѣскихъ истинахъ, и повѣрьте, что никакіе критическіе доводы не поколеблютъ существующаго типа поэзіи, пока не исчезнутъ условія, вызывающія и поддерживающія его существованіе.

Такъ, напримеръ, представьте себѣ господина, который съ пеленокъ привыкаетъ уже созерцать жизнь исключительно съ одной стороны красоты ея формъ. Когда еще пытается онъ молочною деревенской красавицы (нарочно тщательно выбранной изъ сотенъ крестьянокъ по привлекательности своихъ формъ)

когда сознание не успѣло еще проявиться въ немъ и только-только что воспитываются органы элементарныхъ ощущений, его ручки ощущиваютъ не иначе, какъ газъ, шелкъ и атласъ, въ которыхъ онъ изящно окутанъ, его глазенки останавливаются на ослѣпительномъ блескѣ артистически изваянныхъ бронзовыхъ или хрустальныхъ люстръ и канделябръ; его ушечки слушаютъ тихіе звуки отдаленныхъ музыкальныхъ мотивовъ, сладкій говоръ нѣжныхъ ласкъ на звучномъ французскомъ діалектѣ и т. п.

И потомъ, когда онъ начинаетъ подростать, отъ него тщательно отстраняется и удаляется все негармоническое, неуклюжее, тривиальное по внѣшнимъ формамъ, а если что-либо изъ подобнаго по необходимости торчитъ передъ его глазами, ему внушается презрѣніе и пренебреженіе ко всему подобному. Такъ, напримѣръ, гувернёръ его можетъ имѣть бездну самыхъ почтенныхъ и высокихъ нравственныхъ достоинствъ, но никто не заботится обратить вниманіе мальчика на эти достоинства, а, напротивъ того, на первомъ планѣ ставится неловкія манеры или всклокоченные волосы ментора, и осмѣиваются маменьками и папеньками, тѣтеньками и дяденьками. Заражаясь ихъ смѣхомъ, и мальчикъ осмѣиваетъ своего наставника, за некрасивыми формами его не замѣчая прекраснаго внутренняго ихъ содержанія. Такимъ образомъ, мальчикъ привыкаетъ все, на что ни кидаетъ взоры свои, разсматривать исключительно со стороны красоты или безобразія формъ. Сама природа является глазамъ его прежде всего въ выровненномъ, вылощенномъ, изукрашенномъ видѣ симметрически-правильныхъ формъ сада, расположеннаго вокругъ замка. И только далѣе, за предѣлами сада, допускается настоящая природа, позволяется имѣть ей и свои дикія красоты, но все-таки непрѣменно не что иное, какъ красоты: взоры, привыкшіе нѣжиться прелестью изящныхъ формъ, и здѣсь прежде всего и болѣе всего ищутъ привычныхъ наслажденій. Прибавьте ко всему этому, что къ наступленію зрѣлаго возраста человѣкъ этотъ привыкаетъ главнымъ содержаніемъ жизни считать всевозможныя наслажденія, стараясь окружать себя со всѣхъ сторонъ всѣмъ нѣжущимъ и ласкающимъ чувства и тщательно удаляетъ отъ себя не только все негармоническое, безобразное, тривиально-грязное, но и все возмущающее, тревожащее душу, въ какомъ бы то ни было отношеніи. Весьма понятно, что для такого господина «муза мести и печали» всегда будетъ чужда и ненавистна, какими бы доказательствами вы ни разсыпались передъ нимъ въ полезности и естественности такой музы. Ну, статочное ли дѣло, чтобы Некрасовъ могъ тронуть его стихотвореніемъ:

Жизнь въ трезвомъ положеніи
Куда не хороша!
Въ томительномъ бореніи
Сама съ собой душа и проч.

или чтобы Рѣшетниковъ могъ разжалобить его судобою спив-

шагося почтальона, когда видъ пьянаго простолюдина или разночинца никогда ничего въ этомъ господинѣ неспособенъ возбуждать, кромѣ одного единственнаго чувства гадливости и ненависти. Ему и въ голову не можетъ прийти, да никогда и не придетъ, чтобы въ безобразной съ точки зрѣнія изящества формъ фигурѣ пьянаго почтальона могли происходить какія-нибудь «душевныя боренія». Помилуйте, какія-такія тутъ душевныя боренія, ха, ха, ха!.. Больше ничего, какъ бессмысленный бредъ хмѣльнаго идиота. Да и въ правѣ-ли вы требовать, чтобы этого господинъ постигъ вдругъ поэзію душевныхъ бореній спившагося разночинца или, еще того хуже, мужика, когда даже плачущую Ниобею, этотъ общечеловѣчскій образъ материнской скорби, господинъ этотъ способенъ созерцать исключительно со стороны красоты ея слезъ, не допуская разстроивать свои чувствительные нервы тревожными размышленіями о томъ, что слезы эти не только красивы, но солонны и горьки, и что подъ ними таятся своего рода «душевныя боренія». Понятно, что среда такихъ господъ фатально должна воспитывать поэзію, главное содержаніе которой заключается въ отраженіи впечатлѣній изящныхъ формъ, которая на всѣ явленія жизни, на всѣ людскія радости и печали будетъ смотрѣть исключительно съ той точки зрѣнія, какъ красиво они проявляются и рисуются передъ глазами. Понятно также, что пока будетъ существовать эта среда, до тѣхъ поръ и этому типу поэзіи не будетъ конца. Этотъ типъ и есть то, что у насъ принято называть искусствомъ для искусства. Но въ сущности это вовсе не искусство для искусства? Это въ своемъ родѣ искусство для жизни: да, для жизни той среды, которая создаетъ такое искусство, потому что *нуждается* въ немъ и создаетъ его сообразно *своимъ потребностямъ*, подобно тому, какъ инныя среды создаютъ свои типы искусства, сообразно своимъ потребностямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ жизнь средней руки французскаго буржуа, нѣмецкаго бюргера, мелкопомѣстнаго русскаго помѣщика или разночинца. Здѣсь вы не найдете уже, конечно, того восторженнаго культа прекрасныхъ формъ, какое мы видѣли въ жизни вышеозначеннаго господина. Прекрасному предпочитается здѣсь полезное. Главнымъ стимуломъ жизни является здѣсь не наслажденіе, а приобрѣтеніе. Здѣсь и некогда, да нѣту и средствъ заводить прекрасную, нѣжащую взоры обстановку. Комнаты у подобныхъ людей наполняются старомодною, неуклюжею, дешевою мебелью, лишь-бы было на чемъ сидѣть, обѣдать или спать. Подобнымъ хламомъ эти люди дорожатъ иногда въ гораздо большей степени, чѣмъ знатные господа своею дорогою и изящною мебелью, но дорожатъ вовсе не въ силу того, чтобы онъ прельщалъ взоры ихъ изяществомъ своихъ формъ, а потому что одніе вещи представляютъ память о дѣдушкѣ или бабушкѣ, по наслѣдству отъ которыхъ они достались; другіе дороги по собственнымъ воспоминаніямъ или по привычкѣ, пото-

му что глаза успѣли приглядѣться къ нимъ съ самаго дѣтства; наконецъ, дорогъ весь этотъ хламъ и просто потому, что въ этой средѣ каждая мелочь идетъ въ счетъ, каждой ложкѣ и плошкѣ придается свое представительное значеніе, надъ каждой разбитой чашкой проливаются здѣсь подъчасъ слезы. И еще бы: вся жизнь въ этой средѣ слагается изъ мелочей; здѣсь сколачиваются капиталы по копейкамъ и денежкамъ. Здѣсь нѣтъ взрывовъ вулканическихъ страстей, ведущихъ за собою катастрофы и быстрые перевороты; а, напротивъ того, жизнь тянется въ однообразномъ теченіи мелочныхъ, повседневныхъ дрязгъ, вслѣдствіе чего такіе тустаки, какъ экстраординарная пирушка по случаю полученія ордена или поѣзда за 100 верстъ, принимаютъ здѣсь размѣры крупныхъ событій жизни, отъ которыхъ люди ведутъ свои зры. Характеры въ этой средѣ обрисовываются не геройскими подвигами или злодѣйствами, вообще не какими-либо крупными поступками, а совокупнымъ рядомъ деталей домашней обстановки и мелкихъ дрязгъ, въ отношеніи къ небольшой группѣ людей. Наконецъ, люди этой среды такъ привыкають обращать пристальное вниманіе, взвѣшивать и высоко цѣнить каждую мелочь, что они рѣшительно теряють сознаніе различія мелкаго отъ крупнаго, и такіе вопросы, какъ заказъ новаго платья или оклейка стѣнъ новыми обоями, стоятъ въ головѣ ихъ на одномъ планѣ съ самыми существенными общими вопросами вѣка. Подумайте теперь: какой типъ поэзіи должна создать подобная среда? Нужно ли распространяться, какой именно? Конечно, это будетъ именно та пресловутая натуральная поэзія мелочей и дрязгъ жизни, которая, начиная съ 30-хъ годовъ, преобладаетъ въ Европѣ. Феодалный принципъ, опредѣляющій искусство сферой прекраснаго и высокаго, къ этому типу совершенно оказывается непримѣнимымъ. Люди, привышіе вращаться въ средѣ мелочей жизни и цѣнить ихъ со стороны исключительно утилитарной, не обращая особеннаго вниманія, насколько мелочи эти удовлетворяють чувству прекраснаго, очень понятно, и въ искусствѣ будутъ отражать всѣ эти мелочи съ точки зрѣнія утилитарно-нравственнаго или матеріальнаго значенія ихъ въ жизни. Понятно также, что этотъ типъ поэзіи будетъ чуждаться выставленія крупныхъ характеровъ, сильныхъ страстей и выдающихся трагическихъ событій жизни. Напротивъ того, онъ долженъ неуклонно стремиться къ изображенію обыкновенныхъ маленькихъ людишекъ во всей ихъ будничной обстановкѣ, съ ихъ миниатюрными добродѣтелями и пошленькими плотскими вожделеньями, и съ ихъ семейными драмами, медленно-черепашинымъ шагомъ выплывающими изъ тины мелочей и дрязгъ повседневной жизни.

Замѣтите, что недаромъ подобнаго рода типъ поэзіи, въ видѣ натурального романа, развивается въ Европѣ вмѣстѣ съ окончательнымъ паденіемъ феодалныхъ режимовъ, и утвержденіемъ господства буржуазныхъ, промышленныхъ классовъ. Подобно

тому, какъ въ Англии послѣ послѣдняго проблеска поэзіи феодальнаго режима, въ видѣ неоромантизма (Вальтеръ-Скоттъ, Байронъ), воцаряется естественный романъ на почвѣ всеильной англійской буржуазіи, въ лицѣ такихъ крупныхъ представителей, какъ Диккенсъ, Тэкерей, Джорджъ Эллиотъ и проч., подобно тому, какъ во Франціи, вскорѣ послѣ первой революціи, даровавшей господство промышленнымъ классамъ, возникла подобнаго же рода школа естественнаго романа въ лицѣ Бальзака, Стендаля, Флобера и Золя, точно такъ же и у насъ, въ свою очередь, достаточно оказалось перемѣщенія центра умственнаго движенія изъ великосвѣтскихъ слоевъ общества въ среду мелкаго дворянства и разночинства, чтобы тотчасъ-же возникла естественная школа, воцарилась поэзія мелочей и дрязгъ повседневной жизни, и мы видимъ, что представитель этой школы, Гоголь, является самъ всецѣло выходцемъ изъ этой среды и по своему происхожденію, и по своему воспитанію, и по всѣмъ обстоятельствамъ своей жизни.

Судя по всему этому, можно ожидать, что и естественная поэзія мелочей и дрязгъ жизни имѣетъ крайне относительное значеніе и преходящее существованіе. Она, конечно, будетъ процвѣтать и господствовать до тѣхъ только поръ, пока центръ умственнаго движенія будетъ сосредоточиваться въ средѣ промышленныхъ классовъ. Передвиженіе-же этого центра въ иные слои общества, напримѣръ, въ народныя, непремѣнно должно отозваться въ искусствѣ появленіемъ новыхъ типовъ поэзіи, соответствующихъ этимъ слоямъ. Первообразы этихъ типовъ мы и теперь впрочемъ можемъ наблюдать, какъ, съ одной стороны въ собирательно-народномъ творествѣ, такъ и въ произведеніяхъ поэтовъ выходцевъ изъ народа, каковы: Кольцовъ, Шевченко, Никитинъ, Борисъ и проч. Замѣтьте, что, несмотря на то, что поэты эти оригинальны до крайности и вносятъ совершенно свѣжія струи въ литературу тѣхъ обществъ, среди которыхъ появляются, они стоятъ совершенно особняками, не дѣлаютъ пока переворотовъ въ той сферѣ поэзіи, къ которой принадлежатъ. Такъ, напримѣръ, мы видимъ, что ни Кольцовъ, ни Шевченко ни мало не помѣшали появленію послѣ нихъ лиръ Ап. Майкова, Фета, Тютчева и пр. въ такой степени, въ какой Жуковский съ Пушкинымъ помѣшали трескучимъ одамъ, поэмамъ и трагедіямъ въ ложно-классическомъ духѣ, или въ какой степени Гоголь помѣшалъ появленію романовъ въ духѣ Полеваго или Загоскина съ Кукольниковъ. Это происходитъ, конечно, отъ того, что въ средѣ умственнаго движенія общества и до сихъ поръ преобладаютъ слои, для которыхъ пушкинская муза родитъ кольцовской. Такъ мы и до сихъ поръ видимъ, если появляется молодой лирикъ изъ привилегированныхъ классовъ, то онъ не станеть подражать Кольцову или Никитину, а будетъ придерживаться мотивовъ и формъ лирики, выработанныхъ пушкинскою традиціей. Тогда какъ выходцы изъ народа начинаютъ обникать

венно подражаніемъ Кольцову. Стоитъ обратить при этомъ вниманіе и на то, что поэзія всѣхъ этихъ выходцевъ изъ народа, этихъ первыхъ пионеровъ будущихъ поэтическихъ типовъ не подходитъ ни подъ одну изъ существующихъ до нынѣ эстетическихъ доктринъ. Это—отнюдь не поэзія прекрасныхъ образовъ, изысканныхъ формъ и выраженій и тѣмъ менѣе—поэзія мелочныхъ деталей жизни. При своей крайней, чисто младенческой простотѣ и чуждости всякихъ изысканныхъ вычурностей, она отличается, въ тоже время чрезвычайной сжатостію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, могучей силой страстности. Отъ нея такъ и вѣетъ упругою крѣпостію мускуловъ, развитыхъ земледѣльческимъ трудомъ и свѣжестью непочатыхъ и необъятныхъ душевныхъ силъ. Она изображаетъ предметы крупными общими чертами, избѣгая мелкихъ деталейныхъ штриховъ и тонкихъ оттѣнковъ различныхъ душевныхъ движеній. Видно, что она вышла изъ среды людей, слишкомъ занятыхъ, чтобы предаваться празднымъ созерцаніямъ и подолгу останавливаться на каждой черточкѣ жизни. Природа въ ней если и описывается, то въ тѣсной связи съ жизнію человѣка и въ ея вліяніи на эту жизнь. Общее содержаніе ея заключается отнюдь не въ восторженномъ созерцаніи прекраснаго и не въ тщательномъ изображеніи дѣйствительности во всѣхъ ея мельчайшихъ подробностяхъ, а въ глубокой, сурово-скорбной думѣ о жизни и судьбѣ человѣка, о борьбѣ съ людскими неправдами и о прискорбномъ преобладаніи кривды надъ правдою.

При всемъ этомъ слѣдуетъ замѣтить, что, конечно, не однимъ складомъ жизни и характеромъ тѣхъ или другихъ слоевъ общества опредѣляются типы поэзіи. Они въ значительной степени видоизмѣняются и осложняются, смотря по характеру эпохи. Такъ, напримѣръ, возьмите во вниманіе, что во всѣхъ поэтическихъ произведеніяхъ Западной Европы послѣдней четверти прошлаго столѣтія и первой четверти настоящаго преобладаетъ наклонность къ грандіозному въ изображеніяхъ, какъ жизни человѣческой, такъ и природы. На сцену выступаетъ передъ вами цѣлый рядъ титаническихъ личностей, представляющихъ въ себѣ какъ бы фокусы всего человѣчества, каковы Фаустъ, Чайльдъ-Гарольдъ, маркизъ Поза и проч. Они обставляются соотвѣтствующею, величественною обстановкою: сюжеты произведеній развиваются постоянно то среди громоздящихся скалъ и вѣчныхъ снѣговъ Альпъ, то среди бушующихъ волнъ океановъ, то въ дѣвственныхъ лѣсахъ тропической природы, то подъ гигантскими сводами средневѣковыхъ храмовъ или замковъ, или среди обвитыхъ плющами и миртами развалинъ классической древности. Въ общемъ своемъ содержаніи всѣ эти произведенія трактуютъ *en grand* о судьбахъ всего человѣчества, объ основныхъ началахъ человѣческой природы и вѣковѣчныхъ явленіяхъ жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что такой характеръ поэзіи лежитъ въ тѣсной связи съ общимъ настроеніемъ эпохи, въ которую Европа переживала двойной

кризисъ философскій и политическій, въ которую жизнь ежеднев-но выдвигала чрезвычайныя событія, катастрофы и перевороты, всѣ страсти были взволнованы до послѣдней крайности и во-ображеніе крайне возбуждено и напряжено. Правда, что и по-слѣдующее пятидесятилѣтіе, составляющее середину нынѣшняго столѣтія, не лишено своего рода чрезвычайныхъ событій: стоить припомнить три революціи, пережитыя Франціею съ ужасами іюльскихъ дней и коммуны, американскую войну за освобожде-ніе негровъ, освобожденіе Италіи, крымскую кампанію, германо-французскую войну или только-что пережитый терроръ на Бал-канскомъ Полуостровѣ; но какой бы ужасъ ни возбуждали въ свое время всѣ эти событія въ современникахъ, они далеко не имѣютъ въ ихъ глазахъ того рокового, апокалипсическаго характера, какой представляли событія конца прошлаго и нача-ла нынѣшняго вѣка. Къ тому же, всѣ эти событія совершаются маленькими людьми, далеко не рисующимися въ томъ ореолѣ величавой геніальности или трагичности, въ какомъ рисовались такіе дѣятели прошлаго вѣка, какъ Уашигтонъ, Наполеонъ I, Суворовъ, Робеспьеръ, Маратъ, Дантонъ и проч. Они возбуж-даютъ въ васъ не восторженное удивленіе или ужасъ, а смѣхъ и презрѣніе своими смѣшными слабостями въ мѣщанскомъ духѣ, въ родѣ мелочного тщеславія, погони за наживою, интри-ганства и передергиваній чисто-шуллерскаго характера, жалкаго малодушія въ робовны минуты и проч. А главное дѣло, мы слишкомъ умудрены опытомъ, чтобы каждое событіе, выходящее изъ обыденнаго уровня, встрѣчать, какъ возрожденіе всего чело-вечества и начало новой эры. Мы очень хорошо вперед пред-угадываемъ, что, сколько ни было бы сожжено пороха, разруше-но домовъ и пролито крови, въ концѣ-концовъ, надъ всѣми раз-валинами совершившихся катастрофъ все-таки восторжествуетъ единственный, истинный владыка нашего вѣка — купецъ, съ аршинномъ въ одной рукѣ и мѣшкомъ золота въ другой. Не-мудрено, что всѣ вышеупомянутыя, чрезвычайныя событія на-шего времени нисколько не мѣшаютъ европейской жизни въ общемъ своемъ теченіи имѣть сѣренькій характеръ заурядности мирныхъ устоевъ буржуазнаго прозябанія. Куда ни обернетесь, повсюду вы наткнетесь на купца, афериста, мелкаго промышлен-ника, биржевого игрока и шуллера. Чтѣ же мудренаго, что и поэзія спустилась нѣсколькими тонами ниже: вмѣсто того, чтобы изображать судьбы человечества en grand, занялась анализомъ мелочей и дразгъ буржуазной жизни и, вмѣсто того, чтобы вы-водить на сцену Валленштейновъ, Манфредовъ или Іоаннъ д'Аркъ, героями своими избрала Пикквиковъ, Ругоновъ, Чичиковыхъ, Ре-векъ Шарль и пр.

Немалое вліяніе на созданіе, въ настоящемъ случаѣ, не об-щихъ и гуртовыхъ, но личныхъ, индивидуальныхъ типовъ поэзіи имѣютъ, конечно, частныя условія жизни того или другого поэта. Но здѣсь мы вступаемъ въ такую необъятную область, что, изъ

боязни разбросаться и запутаться въ массѣ конкретных явлений, я считаю необходимымъ немедленно же перейти къ главному предмету своего настоящаго письма—къ анализу поэтическаго творчества сошедшаго въ прошломъ году въ могилу графа Алексѣя Толстого. Его поэтическія произведенія, въ связи съ біографическими данными, покажутъ намъ, какія общія и частныя условія жизни и какъ вліяли на творчество этого современнаго намъ поэта и что они изъ него сдѣлали. Я избираю въ настоящемъ случаѣ для своего анализа гр. А. Толстого не только потому, что онъ недавно умеръ и послѣ его смерти изданы были въ прошломъ году всѣ его стихотворныя произведенія. Это только поводъ. Главное же дѣло въ томъ, что гр. А. Толстой, какъ поэтъ, представляется мнѣ весьма рѣзкимъ и опредѣленнымъ типомъ для моего анализа.

Но прежде, чѣмъ мы займемся поэтическими произведеніями гр. А. Толстого, мы обратимъ вниманіе на тѣ автобіографическія свѣдѣнія о его жизни, которыя онъ изложилъ въ своемъ письмѣ къ флорентійскому профессору де-Губернатису, помѣщенномъ въ началѣ послѣдняго изданія его стихотвореній. При всей своей краткости и сжатости, свѣдѣнія эти столь характеристичны, что даютъ вполне ясное и опредѣленное понятіе объ условіяхъ жизни поэта и вліяніи этихъ условій на его творчество. Итакъ, что же мы видимъ изъ этихъ свѣдѣній? Мы видимъ, во-первыхъ, что гр. А. Толстой родился и всю жизнь прожилъ исключительно въ самыхъ великосвѣтскихъ кругахъ общества. Затѣмъ мы видимъ, что хотя онъ родился въ Петербургѣ (въ 1817 году), но еще шестинедѣльнымъ увезли его въ Малороссію мать и дядя его съ материнской стороны, Алексѣй Перовскій, который, замѣтите, былъ человѣкъ образованный, большой любитель изящныхъ искусствъ, и принималъ участіе въ русской литературѣ, въ которой извѣстенъ подъ псевдонимомъ Антона Погорѣльскаго. Итакъ, родиною своею гр. А. Толстой въ полномъ правѣ могъ считать Малороссію, гдѣ съ шестинедѣльнаго возраста онъ провелъ въ имѣніи родителей первыя восемь или девять лѣтъ своей жизни. Дѣтство графа прошло, какъ онъ самъ говоритъ, чрезвычайно счастливо и оставило въ немъ одни свѣтлыя воспоминанія. И еще бы: конечно, попеченіями любящихъ его нѣжно родителей онъ былъ тщательно огражденъ отъ всѣхъ неприятныхъ столкновеній и шероховатостей жизни: это была нѣжная гусеница, бережно окутанная въ вату, чтобы она не могла подвергнуться ни малѣйшему толчку или грубому прикосновенію стихій. Онъ не имѣлъ въ своемъ дѣтствѣ даже сверстниковъ, отношенія къ которымъ, въ видѣ насмѣшекъ, поддразниваній, обидъ, ссоръ и потасовокъ, могли бы доставить ему первые тяжкіе опыты жизни. Онъ росъ въ полномъ одиночествѣ среди изящной обстановки, среди роскошной малороссійской природы, и очень понятно, что, при такихъ условіяхъ, въ немъ рано развились мечтательность, при чемъ воображеніе его начало

создавать самыя причудливыя и фантастическія грёзы, своею обольстительностію вполне соответствующія изяществу обстановки окружающей его жизни. Для болѣшей наглядности я считаю не лишнимъ иллюстрировать характеристику дѣтства поэта включеніемъ изъ стихотворной повѣсти его «Портретъ». Хотя я и не имѣю права утверждать, чтобы въ повѣсти этой гр. А. Толстой изобразилъ свое собственное дѣтство, но, тѣмъ не менѣе, мнѣ сдается, что, хотя бы и при нѣкоторыхъ иныхъ условіяхъ и подробностяхъ домашней обстановки, дѣтство графа имѣло немало общаго съ описаннымъ въ «Портретѣ», и несомнѣнно, что на послѣднемъ отражаются слѣды воспоминаній перваго. Вотъ чтò мы читаемъ въ вышеупомянутой повѣсти. Послѣ описанія казарменной архитектуры фасада родительскаго дома героя, поэтъ говорить:

«но внутри

Характеръ свой прошедшаго столѣтъя
Домъ сохранилъ. Покои два, или три
Могли-бъ восторга вызвать междометье
У знатока. Изъ бронзы фонари
Въ стѣнахъ висѣли, и любилъ смотреть я,
Хоть былъ тогда въ искусствѣ не толковъ,
На линию стѣны и форму потолоковъ.

* * *

Родителей своихъ я видѣлъ мало;
Отецъ былъ занятъ; братьевъ и сестеръ
Я не знавалъ; мать много выѣзжала;
Ворчали вѣчно тѣтки; съ раннихъ поръ
Привыкъ одинъ бродить я въ залъ изъ зала
И населять мечтами изъ просторъ.
Такъ подвиги, достойные романа,
Воображать себѣ я началъ рано.

* * *

Дѣйствительность, напротивъ, мнѣ была
Отъ малыхъ лѣтъ несносна и противна,
Жизнь, какъ она вокругъ меня текла,
Все въ той же прозѣ движась непрерывно,
Все, чтò зовутъ серьёзныя дѣла —
Я ненавидѣлъ съ дѣтства инстинктивно.
Не говорю, что въ этомъ былъ я правъ,
Но видно такъ ужъ мой сложился нравъ.

* * *

Цвѣты у насъ стояли въ разныхъ залахъ:
Желто-фіолей много золотыхъ,
И много гяцциновъ, синихъ, алыхъ,
И полевыхъ, и блѣдно-голубыхъ;
И я, широкъ искатель небывалыхъ,
Любилъ вникать въ благоуханье ихъ,
И въ каждомъ запахѣ индивидуальнѣй
Мнѣ музыкой какъ будто вѣдалъ дальнѣй,

* * *

Въ иные-жъ дни, прервавъ мечтаній сонъ,
Случалось мнѣ очнуться, въ удивленнѣи,

*Съ цѣпкомъ съ рукъ. Какъ мнѣ былъ сорванъ онъ —
 Не помнилъ я; но въ чудномъ видѣннѣ
 Былъ запахомъ его я погрузенъ.
 Такъ превращало мнѣ воображенье
 Въ волшебный міръ нашъ скучный старый домъ —
 А жизнь межъ тѣмъ шла прежнимъ чередомъ.*

Къ этимъ галлюцинаціямъ, внушаемымъ полнымъ одиночествомъ мальчика среди роскошной и изящной обстановки, прибавьте еще обаяніе малороссійской природы, о которомъ графъ А. Толстой считаетъ нужнымъ два раза замѣтить въ своей автобіографіи. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что мѣстная природа, среди которой онъ жилъ, много содѣйствовала развитію въ немъ мечтательности и склонности къ поэзіи: «Воздухъ и видъ нашихъ большихъ лѣсовъ, страстно любимыхъ мною, оставили во мнѣ глубокое впечатлѣніе, имѣвшее вліяніе на мой характеръ и жизнь, и сохраняемое мною до сей поры». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что, возвращаясь порою въ деревню, гдѣ провелъ первые годы, онъ никогда не могъ видѣть тѣхъ мѣстъ безъ особеннаго волненія.

При такихъ условіяхъ жизни, въ мальчикѣ очень рано начало обнаруживаться поэтическое призваніе. «Съ шестилѣтняго возраста, говоритъ гр. А. Толстой:—началъ я марать бумагу и писать стихи — такъ было поражено мое воображеніе произведеніями нашихъ лучшихъ поэтовъ, найденныхъ мною въ какомъ-то толстомъ сборникѣ, дурно напечатанномъ и плохо переплетенномъ въ грязную красную обертву. Видъ этой книги отпечатлѣлся въ моей памяти и заставлялъ биться сердце всякій разъ, когда она мнѣ снова попадалась на глаза. Я таскалъ ее, бывало, съ собою всюду и прятался въ саду или въ лѣсу, чтобы, лежа подъ деревьями, изучать ее часами. Скоро я зналъ ее наизусть; я упивался музыкою разнообразныхъ романсовъ и усвоилъ себѣ ихъ технику. Какъ ни были нелѣпы мои первые опыты, я долженъ, однако, сказать, что въ метрическомъ отношеніи они были безупречны».

Когда мальчику было восемь или девять лѣтъ, его повезли въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ представленъ во двору и допущенъ въ число дѣтей: составлявшихъ воскресное общество Цесаревича (нынѣ царствующаго Государя Императора). Но съ слѣдующаго же года начинаются постоянныя странствованія его съ родителями за границу, имѣвшія огромное вліяніе на эстетическое развитіе и окончательное углубленіе его въ міръ прекрасныхъ образовъ искусства. Первое путешествіе было совершено въ Германію. «Во время пребыванія нашего въ Веймаръ, говоритъ графъ А. Толстой, по поводу этого путешествія:—дядя свелъ меня съ Гете, въ которому я инстинктивно проникся величайшимъ почтеніемъ за ту манеру, съ которою онъ говорилъ. Отъ этого посѣщенія у меня сохранились въ памяти величественныя черты Гете и еще то, что я сидѣлъ у него на козняхъ».

Но самое роковое, въ смыслѣ нравственнаго и эстетическаго вліянія, наложившаго печать на всю жизнь поэта, было путешествіе въ Италію на 14 году его жизни. «Мнѣ было 13 лѣтъ, говоритъ гр. А. Толстой:—когда я съ родными сдѣлалъ первое путешествіе въ Италію. Невозможно изобразить силы моихъ впечатлѣній и переворота, совершившагося въ моей душѣ, когда въ первый разъ увидѣлъ я тѣ сокровища, о которыхъ имѣлъ уже смутныя понятія, прежде нежели встрѣтился съ ними. Мы начали съ Венеціи, гдѣ мой дядя сдѣлалъ большія покупки въ старомъ дворцѣ Гримани. Между прочимъ, былъ купленъ бистъ молодого фавна, приписываемый Микель-Анджело, великолѣпный экземпляръ, который когда-либо мнѣ случалось видѣть: онъ находится теперь въ Петербургѣ и принадлежитъ гр. Паму Строгонову. Когда статую перенесли въ нашъ отель, я не отходилъ отъ нея. Я вставалъ ночью посмотрѣть на нее, и мое воображеніе мучилось нелѣпнѣйшими подозрѣніями. Я задавалъ себѣ вопросъ, что мнѣ дѣлать, если вспыхнетъ пожаръ въ отелѣ, и пробовалъ, могу ли я, въ случаѣ, унести статую на своихъ рукахъ. (Не правда ли, какъ это опять-таки напоминаетъ повѣсть «Портретъ»). Невольно приходитъ въ голову, что не себя ли изобразилъ поэтъ въ этомъ образѣ мальчика, крадущагося ночью, когда все въ домѣ заснуло, на фантастическое свиданіе съ таинственнымъ портретомъ, въ который онъ мечтательно влюбился, какъ въ живое существо). Изъ Венеціи мы отправились въ Миланъ, Флоренцію, Римъ и Неаполь; при каждомъ посѣщеніи мой восторгъ и любовь къ искусству возрастали; дѣло дошло до того, что, по возвращеніи въ Россію, я впалъ въ настоящую тоску по Италіи, доходилъ до какого то отчаянія, которое заставляло меня днемъ отказываться отъ пищи, а ночью рыдать, когда мои сны заносили меня въ мой потерянный рай».

По этимъ выдержкамъ изъ автобіографіи гр. А. Толстого вы можете судить, что все воспитаніе его въ дѣтствѣ какъ будто нарочно и вполне систематично было направлено такъ, чтобы отвлечь его отъ всякихъ непосредственныхъ отношеній къ живой дѣйствительности и окончательно поселить въ отвлеченно-мечтательный міръ обольстительно-прекрасныхъ грѣзъ. Онъ, по всей справедливости, могъ къ самому себѣ отнести тѣ стихи своей повѣсти (Портретъ), которые онъ вложилъ въ уста своего героя:

Дѣйствительность, напротивъ, мнѣ была
Отъ малыхъ лѣтъ несозна и противна.
Жизнь, какъ она вокругъ меня текла,
Все въ той же прозѣ движась непрерывно,
Все, что зовутъ серьезныя дѣла —
Я ненавидѣлъ съ дѣтства инстинктивно...

И дѣйствительно, трудно представить себѣ жизнь болѣе отрѣшенную отъ дѣйствительности и бѣдную внѣшними событіями, чѣмъ жизнь гр. А. Толстого. Семнадцати лѣтъ выдержалъ

онъ выпускной экзаменъ въ московскомъ университетѣ. Въ 1836 году, по желанію матери, былъ прикомандированъ къ русскому посольству при нѣмецкомъ сеймѣ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ; позже поступилъ во II отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи. Въ 1855 г. онъ записался въ число охотниковъ, образовавшихъ стрѣлковый полкъ императорской фамилиі съ тѣмъ, чтобы отправиться въ крымскую кампанію. Но полкъ не имѣлъ случая быть въ дѣлѣ и достигъ только Одессы, гдѣ потерялъ болѣе тысячи человекъ отъ тифа, полученнаго также и гр. Толстымъ. Наконецъ, слѣдуетъ послѣднее замѣчательное событіе въ жизни гр. Толстого—событіе, владущее свою печать на всю его послѣдующую жизнь, событіе, которымъ самъ онъ гордился, какъ своего рода нравственной доблестью, которое подчеркивали какъ его приверженцы, такъ и порицатели, одни прославляя его за него, другіе осуждая. «Императоръ Александръ II, говоритъ гр. А. Толстой въ своей біографіи:—во время коронаціи въ Москвѣ, изволилъ назначить меня своимъ флигель-адъютантомъ. Но такъ какъ я вовсе не готовился быть военнымъ и, поступая въ стрѣлки, имѣлъ намѣреніе оставить службу тотчасъ по окончаніи войны, то я и представилъ мои сомнѣнія Его Величеству, и Государь Императоръ принялъ мою просьбу съ обычнымъ ему благодушіемъ и назначилъ меня егермейстеромъ двора».

Это былъ отказъ отъ блестящей карьеры ради исключительнаго посвященія всей жизни служенію музамъ. Я уже сказалъ выше, что гр. А. Толстой самъ гордился этимъ подвигомъ, такъ что даже воспѣлъ его въ цѣлой поэмѣ, подъ заглавіемъ «Іоаннъ Дамаскинъ». Когда калифъ предложилъ Іоанну быть намѣстникомъ его и владѣть полцарствомъ, Іоаннъ отвѣчалъ ему:

«Твой щедрый даръ,

О, государь, пѣвцу не нуженъ;
Съ иною силою онъ друженъ;
Въ его груди пылаетъ жаръ,
Которымъ жидется созданье;
Служить Творцу—его призванье...

а въ концѣ этой высокопарной рѣчи, Іоаннъ взмолился:

О, отпусти меня, калифъ,
Дозволь дышать и пѣть на волѣ!

Я сказалъ уже выше, что приверженцы гр. А. Толстого очень высоко ставятъ это самоотверженіе поэта въ пользу своего поэтического призванія, между тѣмъ какъ порицатели осуждаютъ графа за индифферентизмъ его къ дѣлу служенія и принесенія пользы отечеству. Они показываютъ, какъ это всегда при такомъ случаѣ дѣлается, напримѣръ Англіи, въ которой поэтамъ, ученымъ и философамъ призваніе ихъ нисколько не мѣшаетъ быть въ то же время государственными людьми, полеводцами, банкирами и т. п.

Что касется до меня, то фактъ отказа гр. А. Толстого отъ

блестящей карьеры я принимаю совершенно индифферентно, въ такой же степени индифферентно, какъ еслибы мнѣ сказали, что графъ А. Толстой отказался отъ блестящей партіи или выгодной покупки отличнаго имѣнія, и предложили бы мнѣ при этомъ рѣшить вопросъ: какое вліяніе на поэтическое творчество графа могли имѣть подобныя его поступки? Другое дѣло, еслибы вопросъ становился на нравственную почву, т. е. еслибы дѣло шло о рѣшеніи того, что имѣлъ ли нравственное право гр. А. Толстой отказываться отъ практическаго служенія отечеству ради исключительнаго пристрастія къ изящнымъ искусствамъ, или чѣмъ могъ быть онъ полезенъ для Россіи: въ качествѣ ли государственнаго мужа, или поэта? Не знаю ужъ, въ какой степени были бы разрѣшимы подобныя вопросы, но, по крайней мѣрѣ, я понимаю ихъ смыслъ и значеніе. Но насъ, въ настоящемъ случаѣ, занимаютъ вовсе не нравственные приговоры о томъ, что достойно или недостойно, правильно или неправильно направилъ и употребилъ свою жизнь гр. А. Толстой, а опредѣленіе характера его поэтическаго творчества. И вотъ съ этой точки зрѣнія я и утверждаю, что отказъ графа отъ блестящей карьеры не имѣетъ ровно никакого значенія. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь вы подумайте только, что могла бы принести поэтическому творчеству графа самая блестящая карьера? Какой бы важный постъ онъ ни занялъ и сколько бы ни принесъ онъ пользы государству на этомъ постѣ, во всякомъ случаѣ, дѣятельность его по общему характеру устройства нашей государственной службы, начиная съ самыхъ низшихъ и до самыхъ высшихъ инстанцій, была бы крайне однообразна, суха, монотонна, вся состояла бы изъ подписанія бумагъ, написанныхъ канцелярскимъ слогомъ, дѣловыхъ разговоровъ съ личностями, сопричастными къ службѣ, да какихъ-нибудь ревизионныхъ поѣздокъ, обставленныхъ узкими рамками официальнаго декорума. Я не думаю, чтобы подобнаго рода дѣятельность могла бы служить къ особенному обогащенію поэческаго творчества новыми, свѣжими и сильными впечатлѣніями. Въ жизни графа, какъ это бывало у насъ издревле, со временъ Державина, какъ это и теперь бываетъ зачастую въ жизни служащихъ поэтовъ, было бы, конечно, непроходимое раздвоеніе: съ одной стороны проза, съ другой поэзія; по утрамъ скучныя и сухія виды предписаній, отношеній, внушеній и распоряженій, а по вечерамъ или ночамъ, въ часы свободнаго досуга, сладкія бесѣды съ музами.

Я не отрицаю, чтобы люди не могли вмѣщать въ себя по нѣскольку призваній и страстей. Поэтому я вполне допускаю, что иной поэтъ можетъ съ такимъ же рвеніемъ и увлеченіемъ по утрамъ заниматься своими служебными обязанностями, съ какими по вечерамъ онъ бряцаетъ на лирѣ. Но мы видѣли, что гр. А. Толстой съ самаго младенчества былъ совсѣмъ не такъ воспитанъ, чтобы быть способнымъ вмѣщать въ себя служебныя

жаръ вмѣстѣ съ поэтическимъ. Мы видѣли, что онъ весь до мозга костей былъ пронянутъ служеніемъ музамъ, только жить и дышалъ, что своими волшебными мечтами; все же, что зовутъ серьезныя дѣла, онъ ненавидѣлъ съ дѣтства истинно. Понятно, что такимъ образомъ онъ съ дѣтства былъ предуготованъ къ отказу отъ всякихъ блестящихъ карьеръ, и отказъ этотъ можно считать какимъ-либо особеннымъ нравственнымъ подвигомъ въ такой же степени, въ какой съ вашей стороны было бы достойно удивленія, что, будучи музыкантомъ, вы не пошли бы въ моряки.

Если гр. А. Толстой въ сущности ровно ничего не потерялъ для развитія своего поэтическаго творчества, вслѣдствіе того, что отказался отъ обязанности посвящать нѣсколько часовъ дня занятіямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ его поэтическою дѣятельностью, то другой вопросъ: приобрѣлъ-ли онъ что либо своимъ отказомъ? принесло ли какую-нибудь пользу его творчеству исключительное посвященіе всего своего времени служенію музамъ? На первый поверхностный взглядъ казалось бы, что какъ же не принести пользы: чего же лучше, когда человѣкъ весь сосредоточивается на одномъ какомъ-нибудь дѣлѣ, всего себя отдаетъ ему, ничѣмъ не развлекался постороннимъ? При такихъ только условіяхъ, конечно, дѣло только и можетъ быть совершенно вполне успѣшно и принести наиболѣе плодовъ. Такъ-то оно такъ, да не всегда только бываетъ такъ. Вотъ тутъ-то именно и раскрывается передъ нами все необъятное различіе искусства отъ всѣхъ другихъ отраслей человѣческой дѣятельности. Другое совсѣмъ дѣло—ученый, философъ, медикъ, инженеръ и пр., и пр. Тѣ, конечно, чѣмъ болѣе сосредоточиваются въ своихъ занятіяхъ и чѣмъ болѣе посвящаютъ имъ времени, тѣмъ дѣло у нихъ идетъ успѣшнѣе. Искусство же—совершенно наоборотъ: требуетъ какъ можно большаго разнообразія жизни. Чѣмъ болѣе поэтъ сталкивается съ разнохарактерными явленіями дѣйствительности, чѣмъ болѣе самъ онъ выноситъ всевозможныхъ испытаній и тревоженій, тѣмъ болѣею массою живыхъ впечатлѣній обогащается его творчество и тѣмъ живѣе, разностороннѣе и могучѣе становится оно. Вы посмотрите на большинство первостепенныхъ поэтовъ всѣхъ странъ; возьмите во вниманіе жизнь Шекспира, Сервантеса, Мольера, Байрона, Гейне, Шиллера, Гёте, Жоржъ-Занда, Виктора Гюго, Пушкина, Лермонтова, Гоголя и пр. и пр. Біографіи всѣхъ этихъ поэтовъ отличаются крайнею пестротой вѣдшихъ событій ихъ жизни. Это вовсе не кабинетные затворники, всю жизнь проведеніе въ созерцаніи прекрасныхъ образовъ и дорожащіе каждою минутою, потерянною для служенія музъ, а напротивъ того—вѣчные скитальцы, которые сегодня не знаютъ, гдѣ будутъ завтра, искатели приключеній, изгнанники, страстные натура, которые, подобно, какъ мотыльки на огонь, бросаются постоянно стремглавъ въ самый что ни есть бурный водоворотъ жизни. Если вы начнете слѣдить за событіями ихъ

жизни, затѣмъ, что ихъ занимало, интересовало, увлекало, нечестно перечитывать массу ихъ писемъ или дневниковъ, те мы совершенно подчасъ забудете, что передъ вами поэты, или придетъ къ заключенію, что искусство занимало въ ихъ жизни самое ничтожное мѣсто, стояло на самомъ заднемъ планѣ. Пушкинъ былъ совершенно правъ въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи:

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погружонъ.
Молчитъ его святая игра,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожайшій онъ.

Къ этой формулѣ отношенія жизни поэта къ его творчеству нужно развѣ присоединить только то, что, когда поэтъ малодушно погруженъ въ заботы суетнаго свѣта, когда межъ всѣхъ дѣтей ничтожныхъ міра онъ всѣхъ ничтожнѣе, эти моменты и представляются самыми роковыми для развитія его творчества. Въ эти моменты именно творчество его и обогащается новыми, живыми образами, развивается, растетъ. Самая же жертва поэта Аполлону—это уже больше ничего, какъ заключительный актъ изверженія накопившагося матеріала, конечный результатъ всего, что вынесъ поэтъ во время своего погруженія въ заботы суетнаго свѣта.

И вотъ, если мы, принявши въ расчетъ это важное условіе для развитія творчества, обратимся къ произведеніямъ графа А. Толстого въ связи съ его жизнію, мы тотчасъ и увидимъ, чего ему не доставало. Окажется, что не отсутствіе служебной карьеры мѣшало полному развитію его творчества, а недостатокъ разнообразія впечатлѣній и личныхъ опытовъ. Жизнь его и безъ того уже сдвлена была въ узкую колею великосвѣтскаго круга, а онъ еще болѣе сзудилъ ее, посвящая большую часть времени замкнутому созерцанію прекрасныхъ образовъ искусствъ всѣхъ странъ и временъ. Теперь вы подумайте: какого рода поэтъ могли выработать подобныя условія? И раньше даже заглядыванья въ его произведенія, однимъ логическимъ выводомъ а ргіогі можно рѣшить этотъ вопросъ. Творчество поэта можетъ давать вамъ только то, что получаетъ. Если же мы видимъ, что оно по болѣй части возбуждается вовсе не какими-либо непосредственными впечатлѣніями жизни, а отраженіями чуждыхъ впечатлѣній въ различныхъ произведеніяхъ искусства, такое творчество, очевидно, должно быть лишено всякой оригинальности и самобытности; оно должно непрестанно измѣняться, какъ хамелеонъ, смотря потому, какіе поэты пришпориваютъ его въ ту или другую минуту. Произведенія поэта подобнаго типа должны представляться калейдоскопомъ, варирующимъ на тысячу ладовъ образы, мотивы, метафоры и фигуры поэтовъ всѣхъ странъ

временъ, но въ калейдоскопѣ этомъ въ то же время вы не найдете ни одного камешка или стеклышка, которые представлялись бы самостоятельными, особеннымъ вкладомъ самого поэта. Это — чуждаемое растеніе, которое способно оказываться питаться сокомъ какого угодно дерева, но только не дождетесь вы отъ него ни росинки его собственнаго сока. Да и странно было бы ожидать и требовать того, чего оно дать не въ силахъ, потому что у него нѣтъ почвы подъ ногами, да кромѣ того нѣтъ и корней, которыми оно могло бы утвердиться въ какой-либо почвѣ.

Наша литература, особенно прежнихъ, до-гоголевскихъ временъ, когда она сосредоточивалась исключительно почти въ великосвѣтскихъ слояхъ общества, и когда любителямъ изящнаго было особенно удобно и ничто не мѣшало вести замкнутую жизнь созерцанія прекрасныхъ образовъ искусства различныхъ странъ и эпохъ, была обильна поэтами подобнаго чуждаемаго типа. Мы видимъ, что даже и Пушкинъ славился способностью принимать на себя личины какихъ угодно западныхъ поэтовъ: то онъ корчилъ изъ себя Шенье, то Байрона, то Гёте, то Данта и пр., и пр. Но онъ жилъ слишкомъ разнообразно и бурною жизнію и судьба слишкомъ мѣшала ему сосредоточиваться въ кабинетной художественной созерцательности, чтобы изъ него могъ выработаться исключительно типъ чуждаемаго творчества. Вслѣдствіе этого, творчество его, обогащенное массою живыхъ и непосредственныхъ впечатлѣній, особенно въ эпоху скитальчества по югу Россіи и затѣмъ житія въ деревнѣ, создало массу произведеній вполне самобытныхъ, заключающихъ въ себѣ образы и мотивы, принадлежащіе исключительно Пушкину и никакому иному поэту во всемъ мірѣ. Наиболѣе же полнымъ и совершеннымъ представителемъ чуждаемаго творчества, соприсчисленнымъ даже къ лику классическихъ писателей литературы, былъ, безъ сомнѣнія, Жуковский, творчество котораго только тогда и возбуждалось во всей своей силѣ, когда онъ переводилъ иностранныхъ поэтовъ или подражалъ имъ. Когда же онъ пытался быть самимъ собою, не Шиллеромъ, не Гёте, не Гомеромъ, не Уландомъ или Гебелемъ, а только Жуковскимъ, изъ подъ его пера выливалось нѣчто безцвѣтно-тягучее и приторно-слащавое, сентиментально-плаксивое, риторичное, растянутае и въ настоящее время совсѣмъ ужь неудобочитаемое; однимъ словомъ, нѣчто подобное тѣмъ паточнымъ грошовымъ леденцамъ изъ мелочной лавки, которые мы могли сосать въ дѣтствѣ, но на которые въ настоящее время не можемъ безъ ужаса смотрѣть.

Графъ А. Толстой представляется именно такого рода поэтомъ и его, по всей справедливости, можно назвать Жуковскимъ нашего времени, въ чемъ можетъ убѣдить насъ вполне анализъ его произведеній, къ которому мы теперь и приступаемъ.

Прежде всего, скажемъ нѣсколько словъ о его тенденціозныхъ стихотвореніяхъ, чтобы сразу порѣшить съ небольшою серіею

этихъ произведеній, совершенно несвойственныхъ его таланту, и затѣмъ приступить къ такимъ, которыя вполнѣ выражаютъ собою характеръ его творчества.

Общее мнѣніе о графѣ А. Толстомъ, въ этомъ отношеніи, еще задолго до его смерти утвердилось такое, что графъ А. Толстой не отличался особенною послѣдовательностью и стойкостью относительно гражданскаго направленія своей лиры, что рядомъ съ весьма либеральными стихотвореніями вы найдете у него и такія, которыя вполнѣ согласуются съ тенденціями «Русскаго Вѣстника»; найдете и въ славянофильскомъ духѣ, хотя по характеру всей его поэтической дѣятельности, графа А. Толстого никакъ нельзя назвать славянофиломъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Однимъ словомъ, въ продолженіи своей жизни, графъ успѣлъ раздать всѣмъ сестрамъ по серьгамъ, но не съ одной сестрой близко не сошелся и не вступилъ въ законный бракъ. Ну и опять-таки одни при этомъ качаютъ головой, приписывая политическую непослѣдовательность графа его недоразвитости, недодуманности, а другіе превозносятъ его, видя въ этомъ же самомъ художественно-философское безпристрастіе поэта, парящаго своею творческою фантазіею превыше всѣхъ условныхъ и преходящихъ тенденцій дня. Самъ графъ А. Толстой объясняетъ свой политическій индифферентизмъ въ небольшомъ стихотвореніи слѣдующаго содержанія:

Дружъ становъ не боецъ, но только гость случайный,
За правду я бы радъ поднять мой добрый мечъ,
Но споръ съ обоими—досель мой жребій тайный,
И къ клятвѣ не одинъ не могъ меня привлечь;
Союза полнаго не будетъ между нами—
Не купленный никѣмъ, подъ чье-бы ни сталъ я знамя,
Пристрастной ревности друзей не въ силахъ снестъ,
Я знамени врага отстаивалъ бы честь.

Не правда ли, какъ это темно, неопредѣленно и въ то же время поверхностно и легкомысленно? Видно, что графъ А. Толстой совершенно не постигалъ, что значить быть привязану къ той или другой партіи, къ тому или другому дѣлу органической, естественно-свободною связью святыхъ убѣжденій, сросшихся съ человѣкомъ. Онъ понималъ не иначе, какъ внѣшнюю связь въ видѣ какой-то клятвы, къ которой нужно быть привлечену со стороны. А ниже еще курьёзнѣе: оказывается, что для того, чтобы твердо стоять за своихъ и не отстаивать чести знамени врага, т. е. не быть измѣнникомъ, нужно быть непременно купленнымъ, а такъ какъ графа А. Толстого никто не позаботился купить, то... то, я полагаю, что гр. А. Толстой до конца дней своихъ не догадался, какою возмутительностью онъ нечаянно обмолвился. Я говорю «нечаянно», потому что никакимъ способомъ не могу допустить, чтобы графъ А. Толстой сознательно огу обнаружилъ подобную душевную низость и чтобы на самомъ дѣлѣ онъ былъ присущъ ей. Нечаянность этой обмолвки

произошла, по моему мнѣнію, ни изъ чего инаго, какъ именно изъ того, что графъ никогда и не задумывался о томъ серьезно: что значить органически, душою и тѣломъ принадлежать къ какому-нибудь лагерю? А не задумывался онъ потому, что не было никакихъ побудительныхъ поводовъ, вовсе не для чего было задумываться ему объ этомъ. Принадлежность къ какому-либо лагерю ему съ дѣтства и до сѣдыхъ волосъ погруженному въ міръ волшебныхъ, поэтическихъ грезъ, была совершенно въ такой же степени излишня, какъ и блестящая карьера. При его замкнутой жизни, до него могли только долетать изрѣдка кое-какіе неопредѣленные отголоски шума и гама современной жизни, и, когда ему приходило въ голову отражать эти звуки въ своихъ пѣснопѣніяхъ, они выходили у него въ той же безсвязности, въ какой доносились до его ушей. И если вы внимательно прочтаете любое изъ подобныхъ произведеній, то вы увидите, что въ каждомъ изъ нихъ главную сущность составляетъ не столько выраженная идея, сколько внѣшняя художественность или игривость поэтическаго образа, причемъ поэтическій образъ до такой степени всегда владѣетъ художникомъ, что влечетъ его порою въ такія дебри, въ которыя онъ вовсе и не подумалъ бы самъ по себѣ забираться, еслибы его не завела туда безотчетно художественная фантазія. Такъ на примѣръ, возьмите хотя бы его «Пантелея», который въ свое время произвелъ большую сенсацию. Нѣкоторые напали на него не только за тенденціозность въ московскомъ духѣ, но и за то, что графъ будто бы вздумалъ проповѣдывать тѣлесное наказаніе, побуждая своего Пантелея-цѣлителя не жалѣть палки сучковатя на людей.

Что леченіемъ всякимъ гнушаются,
Они звона не терпятъ гуслирнаго,
Подавай имъ товара базарнаго!
Все, чего имъ не вѣѣсать, не смѣрять,
Все, кричатъ они, надо похоронять!
Только-то, говорить, и дѣйствительно,
Что для нашего тѣла чувствительно;
И приемы у нихъ дубоватые,
И ученье-то ихъ грязноватое!

Во мнѣ, по крайней мѣрѣ, стихотвореніе это возбудило одну снисходительную улыбку. Чѣмъ же, подумалъ я, виновать мечтательный графъ, что въ его поэтическія заоблачныя сферы буйный вѣтеръ занесъ темные слухи о томъ, что есть какіе-то ехидные люди, которые бѣгаютъ отъ докторовъ и отъ гуслирнаго звона, рыскаютъ по базарамъ и что-то тамъ все покупаютъ... Что же касается сучковатой палки Пантелея, то что же было дѣлать графу, если его поэтической фантазіи приснился св. Пантелей-цѣлитель, грозящій сучковатою палкою. Какое же иное отношеніе къ ехиднымъ людямъ со стороны Пантелея могъ придумать гр. Толстой сообразно этому представленію, какъ не въ видѣ угрозы палкою? Очевидно, что тутъ вовсе и тѣни нѣтъ со стороны поэта какой-либо сознательно-злостной пропаганды, чего-

либо въ родѣ шницрутиковъ, а просто-по-просту — игривость неэтическаго образа, завлекшая поэта въ дикія дебри. Не менѣе курьёзна и баллада «Потокъ-богатырь», въ которой шаловливая фантазія поэта вздумала заставить «Потока» видѣть во снѣ всю российскую исторію во всѣхъ ея періодахъ и, въ концѣ-концовъ, очутиться въ анатомическомъ кабинетѣ медико-хирургической академіи и тамъ прийти вдругъ въ неописанный ужасъ, то стриженныя женщины препарируютъ трупы:

Ужаснулся Потокъ, отъ красавицъ бѣжить,

А онѣ восклицаютъ экидно:

— Ахъ, какой онъ помялк! ахъ, какъ онъ не раземки!

Современности вовсе не видно!

Но Потокъ говорить, очутясь на дворѣ:

— То-жъ бывало у насъ и на Лисой Горѣ,

Только вѣдьмы, хотъ голы и босы,

Но, по крайности, есть у нихъ косы!

Что это такое, какъ опять-таки не дикія дебри, въ которыя завлекла нашего поэта досужая фантазія? Вѣдь вы подумаете только о всей курьёзности вымысла: заставить вдругъ современника Владимира Святаго присутствовать въ анатомическомъ музѣ XIX столѣтія! Что-жъ тутъ удивительнаго, что подобный архавескій герой, покрытый ржавчиной десяти вѣковъ, не только долженъ прийти въ ужасъ при видѣ вскрываемыхъ труповъ, но и просто не понять, что такое вокругъ него дѣлается. Но удивительно то, что, создавъ подобную нелѣпную фантазмагорію, поэтъ воображаетъ, что онъ жестоко поражаетъ устами Потока ненавистную ему современность, не замѣчая, что онъ больше ничего, какъ только самъ принижается до уровня понятій времени X столѣтія. Спрашивается теперь: неужели слѣдуетъ смѣряться на подобныя вещи, какъ на нѣчто серьёзное, какъ на что-то продуманное и прочувствованное, какъ на ядовитыя стрѣлы, которыя кого-либо могутъ поразить, а не какъ на мыльные пузыри, главная сущность которыхъ заключается вовсе не въ томъ, что въ нихъ заключается, а единственно въ разноцвѣтныхъ отраженіяхъ снаружи? И замѣтите, что подобною галантерейностью отличаются вовсе не одни только тенденціозныя произведенія, преслѣдующія ехидныхъ людей, что

Звона не терпятъ гусларнаго,

Подавай имъ товара базарнаго...

Нѣтъ, возьмите вы стихотворенія, посвященныя совсѣмъ инымъ тенденціямъ и въ нихъ вы найдете ту же бѣдность содержанія и преобладаніе внѣшней игривости фантазіи или формы. Обратите вниманіе, напримѣръ, на стихотвореніе

Государь ты нашъ батюшка,

Государь Петръ Алексѣевичъ.

Стихотвореніе это, напечатанное въ «Днѣ», въ свое время произвело не малую сенсацію, благодаря, конечно, тому, что это былъ первый мало-мальски политическій намѣкъ, допущенный въ ли-

тратуру. Но что это такое в сущности, какъ не самое общее, намазолившее всѣмъ глаза славянофильское мѣсто о непригодности реформъ Петра, выраженное въ граціозно-игривыхъ и шутливыхъ виршахъ? Неужели и это стихотвореніе можно принимать въ серъезъ, какъ выраженіе зрѣлой, глубокой и серъезной идеи? Меня, по крайней мѣрѣ, эта шутка занимала всегда только со стороны ея формы, и при этомъ я никакъ не могу отрѣшиться отъ мысли, что оно словно нарочно написано для дѣтей четырехъ и пятилѣтнихъ, едва начинающихъ лепетать. По крайней мѣрѣ, сколько мнѣ ни приходилось слышать его, никогда оно не казалось мнѣ столь прелестнымъ, какъ въ устахъ ребенка, декламирующаго:

Госудаль ты нашъ батюска,
Госудаль Петль Алексѣвицъ,
Цю ты изволись въ котлѣ валить?
Касицу, матуска, касицу,
Касицу, судалня, касицу и проч.

При всемъ этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе вамъ еще вотъ на какое, весьма, по моему, замѣчательное и характеристическое обстоятельство: замѣтите, что единственно серъезное, сильное, прочувствованное, тенденціозное стихотвореніе, о которомъ вы не скажете, что содержаніе въ немъ — дѣло второстепенное, а главная суть заключается въ затѣйливомъ образѣ—это стихотвореніе, носящее заглавіе «Противъ теченія»:

* * *

«Други, вы слышите-ль крикъ оглушительный:
«Сдайтесь, пѣвцы и художники! Встали ли
«Вмысли ваши въ нашъ вѣкъ положительный?
«Много ли васъ остается, мечтатели?
«Сдайтея натиску новаго времени!
«Міръ отрезвился, прошли умеленія —
«Гдѣ-жъ устоять вамъ, отжившему племени,
«Противъ теченія?»

* * *

Други, не вѣрте! Все тоже единая
Сила насъ манить къ себѣ неизвѣстная,
Та же плѣняетъ насъ пѣснь соловьиная,
Тѣ же насъ радуютъ звѣзды небесныя!
Правда все та же! Средь мрака ненастнаго,
Вѣрте чудесной звѣздѣ вдохновенія,
Дружно гребите, во имя прекраснаго,
Противъ теченія! и проч.

Очень понятно, откуда взялась сила и прочувствованность этого стихотворенія. Во всѣхъ прочихъ тенденціозныхъ стихотвореніяхъ дѣло шло о вещахъ, совершенно постороннихъ для поэта, до которыхъ ему въ сущности не было рѣшительно никакого дѣла и насчетъ которыхъ онъ не считалъ интереснымъ и нужнымъ особенно много задумываться. Здѣсь же совершенно наоборотъ: онъ задѣтъ за живое; дѣло идетъ здѣсь о томъ, что исключительно составляло все содержаніе его жизни—объ иску-

ствѣ. И вотъ въ немъ подымается борецъ, отчаянно отстаивающій свое единственное достоинствѣ. Вы видите въ этомъ стихотвореніи того самаго 14-лѣтняго мальчика, который когда-то оберегалъ купленнаго дядею фавна отъ мнимаго пожара. Удивительную цѣльность характера представляетъ въ этомъ отношеніи графъ А. Толстой. Рѣдко въ комъ вы встрѣтите такую строгую послѣдовательность, проходящую черезъ всю жизнь, съ самаго ранняго дѣтства и до могилы. Разъ посвятивши всю жизнь, всё свои помысленія искусству и до гробовой доски не измѣняя своему самоотверженному служенію, несмотря ни на какія препятствія или соблазны, понятно, что онъ только и могъ проникнуться единственнымъ общественнымъ интересомъ вполне искренно, живо и горячо при видѣ враговъ предмета его пламеннаго поклоненія; только эти враги и могли быть его врагами, только они и были способны вывести его изъ себя. Забудьте, что и во всѣхъ почти прочихъ тенденціозныхъ стихотвореніяхъ, о чемъ бы въ нихъ ни шла рѣчь, онъ не упускалъ случая прокричать лишній разъ караулъ противъ дерзновенныхъ покушеній на гусларный звонъ.

И не злая ли иронія судьбы, что самые пламенные и самоотверженные любовники рѣдко бываютъ, въ то же время, счастливыми любовниками. Вспомните душевныя муки Сальери при горькомъ сознаніи, что

Гдѣ-жъ правота, когда священный даръ,
Когда безсмертный гений—не въ награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудовъ, усердія, моленій посланъ,
А сваряетъ голову безумца,
Гуляки празднаго?..

Точно также и графу А. Толстому за все его пламенное и самоотверженное поклоненіе искусству, за всё его труды, усердіе и моленія злая иронія судьбы не дала въ награду такого достоинства, какое одно только и составляетъ всю гордость и почетъ поэта: не дала ему никакой собственной поэтической физиономіи и не внушила ему ни одного вполне самобытнаго произведенія. И такая злая насмѣшка судьбы была не однимъ слѣпымъ фатумомъ. Напротивъ того, именно излишнее посвященіе всей жизни художественной созерцательности и было, какъ выше уже объ этомъ я говорилъ, главною причиною этой бѣды.

Въ самомъ дѣлѣ, оставимъ въ сторонѣ вопросъ о тенденціозности, о внутреннемъ содержаніи стихотвореній гр. А. Толстого, будемъ разсматривать ихъ съ одной чисто художественной стороны. Въдѣ стихотворенія, написанныя безо всякой какой-либо философской или политической цѣли, вполне въ духѣ чистаго искусства, самыя невиннѣйшія по своему содержанію, могутъ, тѣмъ не менѣе, быть вполне самобытными, носить неизгладимую печать народности, эпохи и личной индивидуальности поэта. Вы

возьмите, на примѣръ, массу лучшихъ стихотвореній Пушкина, ну, хоть его балладу, «Бѣсы», или стихотвореніе

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна...

стихотворенія эти только и могъ написать, что русскій поэтъ и притомъ русскій поэтъ, жившій въ эпоху Пушкина, когда не существовало еще въ Россіи желѣзныхъ дорогъ, и очевидно, поэтъ этотъ, чтобы написать подобныя стихотворенія, долженъ былъ порядкомъ поѣздить по російскимъ дорогамъ того времени, и притомъ поѣздить не въ какихъ-либо заграничныхъ рессорныхъ экипажахъ, лежа на мягкихъ пуховикахъ и летя на курьерскихъ, а на перекладныхъ и на долгихъ, въ простыхъ ямщицкихъ телегахъ—испытать, однимъ словомъ, всё невзгоды и всю скуку старинной русской дороги. Букетъ этихъ русскихъ дорожныхъ впечатлѣній и составляетъ всю прелесть, все обаяніе этихъ стихотвореній и всю ихъ самобытность. Или возьмите вы, на примѣръ, «Завѣщаніе» Лермонтова. Это невиннѣйшее по своему содержанію, отличающееся крайнею простотою и незатѣйливостію, но въ то же время глубоко трогательное стихотвореніе, способное вызвать въ иномъ читателѣ слезу, отличается въ то же время самою рѣзкою самобытностію. Написать его могъ, очевидно, только русскій писатель, и притомъ только такой русскій писатель, который потолкался на Кавказѣ, подобно Лермонтову, не просто только путешествовалъ опять-таки въ комфортабельномъ дормезѣ, любуясь изъ оконъ экипажа на живописныя картины, но именно потолкался и своими глазами видѣлъ и почувствовалъ, какъ умираетъ, затертый судьбою въ кавказскихъ горахъ простой и безхитростный русскій армейскій офицерикъ. Возьмемъ, наконецъ, Некрасова, и я нарочно указываю въ настоящемъ случаѣ на этого поэта, имѣя въ виду, что въ нѣкоторыхъ литературныхъ лагеряхъ утвердилось мнѣніе, будто поэтъ этотъ превозносится исключительно только за тенденціозность его стихотвореній въ современномъ духѣ. Нѣтъ, я вамъ укажу на такое стихотвореніе его, въ которомъ нѣтъ ни малѣйшей тѣни какой-либо тенденціозности. Вотъ, на примѣръ, прочитайте его «Бурю»:

Долго не сдавалась Любушка сосѣдка;
Наконецъ мешпула: есть въ саду бесѣдка...

Стихотвореніе это выражаетъ ничего болѣе, какъ только торжество любовника, къ которому явились на свиданіе, несмотря на дождь и бурю, и который изъ этого убѣждается въ силѣ любви къ нему женщины — тама самая безобидная для какого угодно литературнаго лагеря и притомъ самая общечеловѣческая для всѣхъ временъ и странъ. И Гейне, и Байрону, и Гёте, и Шенье, и какому-нибудь средневѣковому провансальскому труверу, и автору «Пѣсни пѣсней» могло прійти въ голову написать стихотвореніе на подобную же тѣму; можетъ быть, даже въ западныхъ литературахъ вы и найдете нѣчто подобное. Но при всей такой общности тѣмы, стихотвореніе Некрасова отличается, тѣмъ не

менѣе, самую яркую и полную самобытность. Отъ него такъ и вѣетъ свѣжимъ букетомъ жизни, и притомъ не какой-нибудь иной, какъ именно русской жизни. У иностраннаго поэта, навѣрное, та же самая тѣма будетъ имѣть совершенно иное выраженіе, представить вамъ иной букетъ; стихотвореніе же Некрасова могъ написать только русскій поэтъ, и изъ современныхъ русскихъ поэтовъ—только Некрасовъ.

Но зачѣмъ брать такихъ первостепенныхъ поэтовъ, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Некрасовъ, когда и у Фета, и у Тютчева, и даже у Ап. Майкова вы найдете стихотворенія, отмѣченныя печатью жизни и самобытности?

Но найдите мнѣ хоть одно такое стихотвореніе у графа А. Толстого, одолѣвши которое, вы почувствовали бы, что прочли нѣчто совершенно новое и небывалое еще ни въ иностранной, ни въ русской литературѣ, нѣчто, неотъемлемо принадлежащее гр. А. Толстому. Напротивъ того: чтó ни приметесь читать, такъ сейчасъ же на васъ и повѣетъ чѣмъ-нибудь давно уже знакомымъ вамъ и читаннымъ гдѣ-то прежде; нѣкоторыя же произведенія носятъ на себѣ самую явную печать тѣхъ или другихъ западно-европейскихъ или русскихъ писателей. Такъ, на примѣръ, найдете вы и произведенія, очевидно, навѣяныя Лермонтовымъ («Вотъ ужъ снѣгъ послѣдній въ полѣ таетъ»), «Въ совѣсти искалъ я долго обвиненія», «Въ странѣ лучей, незримой нашимъ взорамъ», «Горными тихо летѣла душа небесами»); нѣкоторыя напомнятъ вамъ Гейне («Згѣя, чтó по скаламъ влечешь свои извивы») и многіе Крымскіе очерки, какъ, на примѣръ: «Вы все любуетесь на скалы» или «Какъ чудесно хороши вы, южной ночи красоты»). Драматическая поэма «Донъ-Жуанъ», очевидно, внушена изученіемъ Фауста Гёте, а «Драконъ», итальянскій разсказъ XII вѣка, носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды изученія Данта и проч., и проч.

Въ возраженіе на это, вы мнѣ, конечно, укажете на цѣлую массу стихотвореній гр. А. Толстого, написанныхъ въ народномъ духѣ и даже размѣрами народныхъ пѣсенъ, въ родѣ «Ходитъ спѣсъ надувающихся», «Кабы знала я, кабы вѣдала», «Колокольчики мои, цвѣтики степные», «Не Божиимъ громомъ горе ударило», цѣлый рядъ, наконецъ, былинъ и балладъ изъ русской исторіи и пр., и пр.

Ну, чтó-жъ такое, что стихотворенія эти написаны въ духѣ народныхъ пѣсенъ и даже ихъ размѣрами, что нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ очень искусную и удачную поддѣлку подъ нихъ?—это нисколько еще не говоритъ въ пользу ихъ самобытности. Истинно самобытнымъ можетъ быть названо только такое произведеніе, которое создается подъ вліяніемъ непосредственныхъ впечатлѣній жизни; создавая его, поэтъ вовсе не думаетъ о томъ, чтобы произведеніе было написано въ народномъ духѣ, а стремится только выразить то, чтó наполняетъ его душу. Оно можетъ быть совершенно непохоже ни на одну народ-

ную пѣсню, ни по содержанію, ни по формамъ, представлять изъ себя нѣчто совершенно новое и небывалое, написанное совершенно особеннымъ размѣромъ, только-что изобрѣтеннымъ самимъ авторомъ, и, тѣмъ не менѣе, быть вполне народно-самобытнымъ. Однимъ словомъ, въ подобнаго рода произведеніяхъ вы видите не одну только племенную самобытность, но и выраженіе индивидуальности поэта. Писать же стихотворенія въ народномъ духѣ, въ родѣ тѣхъ, какія писалъ гр. А. Толстой— это совсѣмъ другое дѣло. Для этого вовсе не нужно жить непосредственно народною жизнію и притомъ бойкою, горячею жизнію, втягивать въ себя всѣми порами своего существованія народныя радости и народныя страданія, а напротивъ того, совершенно достаточно, не выходя изъ кабинета, изучить нѣскольکو сборниковъ народныхъ пѣсень, начиная съ Кирши-Данилова и Сахарова и кончая сборниками Кирѣевскаго, Рыбникова и Худякова.

Такимъ образомъ, стихотворенія гр. А. Толстого, о которыхъ мы говоримъ, представляютъ продуктъ все того же самого отвлеченнаго, кабинетнаго творчества, которое я называю чуждымъ. Писать такимъ образомъ можно въ духѣ какой угодно народности, совершенно безотносительно, въ какому народу принадлежитъ самъ авторъ. И я не понимаю, чѣмъ могутъ отличаться, по процессу созданія, стихотворенія гр. А. Толстого въ духѣ русской народности отъ стихотвореній того же автора въ духѣ народности итальянской 12-го столѣтія, въ родѣ «Дракона», отъ стихотвореній въ духѣ народности шотландской, въ родѣ баллады «Эдвардъ», отъ пѣсень въ духѣ народности южныхъ славянъ Пушкина, отъ испанскихъ, греческихъ, еврейскихъ и т. п. мотивовъ Щербинны или Вс. Крестовскаго. Во всѣхъ этихъ стихотвореніяхъ вы и слѣда не найдете искренняго, неподдѣльнаго чувства, живой, горячей страсти, вдохновенія, однимъ словомъ, того, что составляетъ всю прелесть и всю силу истинной и вполне естественной поэзіи. Напротивъ того, отъ нихъ такъ и вѣетъ холодомъ искусственнаго вымысла, тяжелыми усиліями кропотливой художественной отдѣлки, мучительными потѣніями надъ инымъ неулаживающимся въ размѣръ стихомъ или недающейся римой.

Особенно эти замѣчанія слѣдуютъ отнести къ былинамъ гр. А. Толстого, въ родѣ Алѣши Поповича, Ильи Муромца, Садко, Змѣя Тугарина и пр. Я не буду ужъ распространяться много о всей эфемерной галантерейности этихъ произведеній гр. А. Толстого, о крайней праздности кабинетной фантазіи, услаждавшей поэтическіе досуги тѣмъ, чтобы заставить Садко лишній разъ проплясать передъ морскимъ царемъ, Алѣшу проѣхать по Днѣпру въ лодочкѣ съ покищенной красоткой или Илью Муромца отпустить еще нѣсколько ругани противъ Владиміра и кievскихъ порядковъ. Но и со стороны мнимой народности этихъ произведеній графа, я спрашиваю у васъ: скажите, чѣмъ отличается эта

вычитанная изъ сборниковъ и пѣсенъ народность отъ народности тѣхъ чугунныхъ или фарфоровыхъ прессъ-папье, которые изображаютъ русскаго мужика, ѣдущаго на саняхъ въ лѣсъ за дровами, бабу, прядущую лёнъ, или подгулявшаго крестьянина, ведомаго домой подъ ручку озабоченной и раздраженной супругой? Подобныя статуэтки могутъ быть вполне правильны, типичны, даже изящны, могутъ служить прекрасными украшеніями для вашего письменнаго стола; но кому же придется въ голову при созерцаніи ихъ подымать вдругъ какіе-нибудь серьёзные эстетическіе вопросы и вообразить, что творцовъ ихъ можно назвать самобытными художниками, внесшими какой бы то ни было свой собственный вкладъ въ русское искусство? А вѣдь они съ неменьшимъ, пожалуй, успѣхомъ, чѣмъ и гр. А. Толстой, могли бы изобразить вамъ и Алёшу Поповича, усаждающаго гусларнымъ звономъ похищенную красавицу, и пляшущаго Садко, и Илью Муромца, ѣдущаго на конѣ съ мрачнымъ и насупленнымъ видомъ.

Какъ бы то ни было, а стихотворенія гр. А. Толстого, навѣяныя разными поэтами или написанныя въ духѣ различныхъ народностей, можно считать все-таки лучшими и наиболѣе удачными. Отъ нихъ вѣтъ, по крайней мѣрѣ, духомъ той поэзіи, которая вдохновляла графа и подъ вліяніемъ которой онъ создавалъ. Чтѣ-же касается до вполне самостоятельныхъ произведеній его, въ которыхъ онъ является передъ нами только графомъ А. Толстымъ и никѣмъ болѣе, то всё они столь-же безхарактерны и слабы, какъ и подобныя же имъ самостоятельныя произведенія Жуковскаго. Между прочимъ, слѣдуетъ обратить вниманіе вотъ на какое весьма характеристическое явленіе. Графъ А. Толстой, какъ это видно изъ многихъ мѣстъ его автобіографіи, былъ большой любитель природы. Мы видѣли, съ какимъ пафосомъ отзывался онъ о вліяніи на него малороссійской природы, среди которой онъ провелъ всю свою жизнь. Въ другомъ мѣстѣ своей автобіографіи онъ связываетъ эту страсть къ природѣ со страстью къ охотѣ, говоря, что онъ нарочно ускользалъ отъ свѣтской жизни, чтобы проводить цѣлыя недѣли въ лѣсахъ, иногда съ товарищами, но обыкновенно въ одиночку. Онъ замѣчаетъ при этомъ, что обязанъ этой жизни охотника тѣмъ, что поэзія его почти всегда писана въ мажорномъ тонѣ, между тѣмъ какъ соотечественники его воспѣваютъ по болѣе части въ минорномъ, и что любовь его къ нашей дикой природѣ отразилась въ его поэзіи почти столько же, какъ и чувство пластической красоты.

Дѣйствительно, въ своихъ стихотвореніяхъ, графъ очень часто обращается къ природѣ и отличается немалою щедростью въ описаніяхъ ея красоты. Но замѣчательно, что всё эти описанія составляютъ самую слабую сторону его стихотвореній. Читая эти описанія, вы не чувствуете и тѣни того обаянія природы, какимъ проникнуты лучшія произведенія нашей литературы въ

этомъ родѣ, не говоря уже о Пушкинѣ, Лермонтовѣ или Гоголѣ, но даже описанія С. Аксакова или Тургенева. Гдѣ ужъ тутъ толковать о воспроизведеніи впечатлѣній, внушаемыхъ природою, когда изъ описаній гр. А. Толстого вы не въ силахъ обыкновенно представить себѣ даже того ландшафта, о которомъ идетъ рѣчь. Передъ вами вовсе не живыя, художественныя картины, а простой перечень предметовъ въ разсыпную, при чемъ воображенію вашему, если оно живо и богато, представляется самому слагать эти предметы во что-нибудь цѣльное и связанное. Такъ, напримѣръ, казалось бы, что ужъ какой иной природѣ, какъ не малороссійской слѣдовало бы отражаться въ произведеніяхъ гр. А. Толстого, особенно если мы примемъ во вниманіе, что онъ все дѣтство провелъ среди нея и съ какимъ восторгомъ говорить онъ о ея вліяніи на него. А между тѣмъ, этого-то именно вліянія вы и не найдете въ его стихотвореніяхъ, точно будто онъ никогда не жилъ въ Малороссіи и только развѣ пробѣжалъ черезъ нее и видѣлъ ее мелькомъ. Не говоря уже о Гоголѣ, даже различные второстепенные малороссійскіе писатели, въ родѣ Гребенки или Марко-Вовчка, даютъ вамъ гораздо болѣе ясное и определенное представленіе малороссійской природы въ ея характеристическихъ особенностяхъ, чѣмъ описанія гр. А. Толстого. Вы прочтите, напримѣръ, стихотвореніе, специально посвященное воспѣванію малороссійскаго края «Ты знаешь край». Что здѣсь воспѣвается не что либо иное, какъ Малороссія, можно судить только потому, что упоминаются въ разныхъ мѣстахъ названія, относящіяся къ этой странѣ, въ родѣ парубковъ, Маруси, Грицко, Чубовъ, казачекъ или историческія имена въ родѣ Кочубея, Мазепы, Палѣя, Сагайдачнаго. Что же касается колорита и характеристическихъ особенностей мѣстности, ея быта и нравовъ, то вмѣсто всего этого вы найдете рядъ самыхъ общихъ, стереотипныхъ чертъ, могущихъ относиться къ какой угодно мѣстности Европы, лежащей подъ одною широтою съ Малороссіей. Вотъ для примѣра отрывки изъ этого стихотворенія:

*Ты знаешь край, идѣ все обильемъ дышетъ,
Гдѣ рѣчки мѣются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вѣшневыхъ рощахъ тонуть хутора,
Среди садовъ деревья мнутъ долу,
И до земли виситъ ихъ плодъ тяжелей?*

*Шума тростники надъ озеромъ трепещетъ,
И чистъ, и тихъ, и ясенъ сводъ небесъ,
Косарь поетъ, коса звенитъ и блещетъ,
Вдоль берега стоитъ кудрявый лѣсъ,
И къ облакамъ, клубяся надъ водою,
Възжитъ дымокъ синюющей струею?*

Какъ ты думаешь, читатель, знаешь ты такой край? Что это такое? Венгрія, Богемія, Силезія, а, можетъ быть, и Нормандія

или Пикардія? Вѣдь во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ могутъ существовать всѣ признаки, означенные въ приведенныхъ нами двухъ куплетахъ: и обиліе, и рѣки чище серебра, и деревья, гнушіяся долу отъ тяжести плодовъ, и трепещущій надъ озеромъ тростникъ, и ясный, тихій и чистый сводъ небесъ, не говоря ужъ о кудравомъ лѣсѣ вдоль берега и дымѣхъ, влгубящемся надъ водою. Все, что напечатано курсивомъ въ приведенномъ отрывкѣ составляетъ самыя банальныя общія мѣста, не курсивомъ же напечатано всего два стиха, но вѣдь и въ нихъ собственно малороссійскаго только и есть, что одно слово — хуторъ. Или вотъ вамъ другой куплетъ, который я имѣю полное право совершенно преобразить въ картину тирольскаго селенія, перемѣнивъ въ цѣломъ куплетѣ всего одно слово:

Ты знаешь край, гдѣ утромъ въ воскресенье,
 Когда росой подсолнечникъ блеститъ,
 Такъ звонко льется жаворонка пѣнье,
 Стада блѣять, а колоколь гудитъ,
 И въ Божій храмъ, увѣнчанный цвѣтами,
 Идутъ *тирольски* пестрыми толпами?

Вслѣдствіе отсутствія всей прелести обаянія мѣстнаго колорита воспѣваемаго края и наполненія стихотворенія банальными общими мѣстами, оно невольно принимаетъ характеръ сухаго, холоднаго и натянутаго риторизма. Можетъ быть, этотъ риторизмъ гр. Толстой и принималъ за мажорный тонъ своей поэзіи. Фактъ этотъ меня глубоко поражаетъ: какъ это такъ — почти родиться въ Малороссіи (мы видѣли, что его туда привезли шестинедѣльнымъ ребенкомъ), прожить тамъ девять лѣтъ, часто возвращаться потомъ въ родимую деревню, каждый разъ быть не въ силахъ видѣть тѣ мѣста безъ особеннаго волненія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не вынести изъ мѣстъ этихъ ни одной живой краски ихъ колорита, ни одной задушевной нотки или черточки быта обитателей этого края, ихъ радостей и страданій, обычаевъ, повѣрій и пр. Это только и можно объяснить крайнею изолированностью жизни гр. А. Толстого, особенно въ дѣтствѣ. Въ то время, какъ Гоголь, Гриццо-Основаененко или даже Гребенка и прочіе писатели, возросшіе въ Малороссіи, жили въ родительскихъ домахъ непосредственной жизнію края и имѣли болѣе тѣсныя сношенія съ разными его слоями, между прочимъ, и съ простымъ народомъ, графу А. Толстому, конечно, только издали, изъ окна усадьбы кое-когда приходилось видѣть, какъ

Парубки, кружась на пожнѣ гладкой,
 Взрываютъ пылъ веселою присядкой.

Но и эти букволическія картины, конечно, не столько его занимали, какъ какой-нибудь неизвѣстно когда и какъ сорванный гіацинтъ, запахъ котораго погружалъ его въ разныя чудныя видѣнія, уносившія его за тридцать земель отъ окружающей дѣйствительности. Гдѣ же тутъ было напечатлѣться живыми впечатлѣніями этой дѣйствительности?

Вы посмотрите, какими общими неопредѣленно-стереотипными чертами изобразилъ онъ, между прочимъ, и характеръ вообще русской природы:

Край ты мой, родимый край!
 Конскій бѣгъ на воля!
 Въ небѣ крикъ орлиныхъ стай!
 Волчій голосъ въ поля!
 Гой ты, родина моя!
 Гой ты, боръ дремучій!
 Свистъ полночный соловья!
 Вѣтеръ, степь и туча!

Не правда ли, что подобное восьмистишіе опять-таки можно отнести къ какой угодно степной мѣстности, но меньше всего я отнесъ бы его къ Россіи, потому что, подумайте: ну, можно ли сказать, чтобы «въ небѣ крикъ орлиныхъ стай» составлялъ одинъ изъ характеристическихъ признаковъ русской природы? Еслибы еще графъ сказалъ «вороньихъ стай»—это куда бы еще ни шло, а то вдругъ орлиныхъ! Я уже не говорю о томъ, что очень сомнительно, чтобы орлы летали стаями.

Но писатель, сбѣдннй живыми и яркими образами, вслѣдствіе крайне замкнутой и изолированной жизни, можетъ быть богатъ внутреннею жизнію, можетъ отразить въ своихъ произведеніяхъ въ условныхъ символическихъ образахъ цѣлый рядъ весьма любопытныхъ и поучительныхъ психическихъ или философскихъ процессовъ. Но и этого мы не можемъ сказать о гр. А. Толстомъ. Относительно обще-философскаго міросозерцанія, гр. А. Толстой представляется намъ стоящимъ вполне и всецѣло въ уровнѣ того великосвѣтскаго кружка, въ средѣ котораго онъ воспитался и прожилъ всю жизнь. Убѣжденія его, ясныя и опредѣленныя, словно отлитыя изъ бронзы и въ неизмѣнной формѣ проходящія черезъ всю жизнь безъ малѣйшихъ колебаній и какого-либо движенія, поражаютъ весь крайнею узостью чисто формальнаго піетизма, давящаго васъ, словно низенькій потолокъ надъ головою. Это—самая низшая ступень чисто дѣтскаго мистицизма, но мистицизма совершенно особеннаго рода. Мистицизмъ мистицизму—розъ. И у г. Достоевскаго, и у гр. Л. Толстого, и у г. Тургенева вы найдете немалыя дозы мистицизма. Но мистицизмъ у этихъ писателей все-таки имѣетъ, съ одной стороны, свою собственную поэтическую окраску, а съ другой—въ немъ видна хоть какая-нибудь самостоятельная работа мысли. Мистицизмъ же гр. А. Толстого заключается, напротивъ того, въ полномъ отреченіи отъ всякаго покушенія на мало-мальски самостоятельную мысль, въ рабской вѣрности буквѣ. Однимъ словомъ, это—вовсе не тотъ мистицизмъ, который въ поэзіи создаетъ образы, хотя и дико-фантастичные, но нелишенные своеобразной прелести, а тотъ, который подъ часъ, ради подобострастной вѣрности традиціи, лишаетъ иные образы присущей имъ поэтичности. Это мы можемъ видѣть съ большою нагляд-

ностью въ драматической поэмѣ гр. А. Толстого «Донъ-Жуанъ». Поэма эта, навѣянная «Фаустомъ» Гёте, нужно признаться, представляется однимъ изъ самыхъ неудачныхъ подражаній тѣмъ западнымъ образцамъ, которые вдохновляли нашего поэта. На первыхъ же страницахъ поэмы васъ поражаетъ, какъ грязное и безобразное пятно, своимъ антихудожественнымъ безвкусиемъ фигура сатаны. Представьте себѣ, что, вмѣсто того мрачнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обольстительнаго духа протеста, который является передъ нами въ поэзіи Байрона, или вмѣсто гётевскаго Мефистофеля, чарующаго тонкимъ остроуміемъ своихъ сарказмовъ чисто вольтеровскаго пошиба, исполненнаго яда того самаго сепитизма прошлаго вѣка, олицетвореніемъ котораго и является передъ вами Мефистофель, вмѣсто, наконецъ, хотя бы стереотипно-средневѣковаго діавола въ огнѣ, дымѣ и сѣрномъ запахѣ, передъ вами является вдругъ, въ поэмѣ гр. А. Толстого, какой-то неуклюжій буанъ, въ родѣ подгулявшаго мастерового, и вся соль его сарказмовъ заключается въ рядѣ тривиальныхъ выраженій, въ родѣ шарахнулъ, напиралъ, далъ маху, лопнетъ око, караулъ и т. п. Какую идею думаетъ выразить гр. А. Толстой въ образѣ этого грубаго, аляповатаго и неотесаннаго мужлана? Не приходитъ ли вамъ невольно въ голову, что графъ только и заботился о томъ, чтобы, согласно традиціи, изобразить въ зломъ духѣ, все, что только онъ могъ представить себѣ непріятнаго, а что могъ онъ представить себѣ болѣе непріятнаго съ великосвѣтской точки зрѣнія, какъ не тривиальныя выраженія? Вотъ онъ и нанизалъ ихъ безъ всякаго удержа и такта, желая представить въ сатанѣ самаго что ни есть *mauvais genre*. Но сатана является второстепеннымъ лицомъ поэмы — только въ началѣ и концѣ ея; главнымъ же героемъ парадрируетъ Донъ-Жуанъ, къ которому мы теперь и обратимся.

Легенда о Донъ-Жуанѣ относится всецѣло къ эпохѣ «Возрожденія» и чрезвычайно типично и рельефно выражаетъ собою духъ этой эпохи. Въ личности Донъ-Жуана олицетворяется протестъ человѣческой плоти противъ средневѣковаго аскетизма, все то радостное обаяніе земной жизни со всѣми ея наслажденіями, которое повѣяло на современниковъ Донъ-Жуана отъ изученія классической древности. Это — язычество, возставшее изъ-подъ тысячелѣтнаго гнета католическаго изуверства, со всѣми своими эротическими и вакхическими культами, чашами, наполненными янтарнымъ виномъ, гирляндами цвѣтовъ, страстными пѣснями и поцѣлуями при блескѣ луны, въ тиши благоухающихъ южныхъ ночей.

Въ этомъ отношеніи, каждая подробность легенды имѣетъ свой особенный характеристическій и, можно даже выразиться, философскій, сообразно своему времени, смыслъ. Донъ-Жуанъ, подобно древнему Эросу, всюду несетъ съ собою любовь, но только не ограничивается испосланиемъ ея смертнымъ, какъ языческій богъ, а напротивъ того, какъ человѣкъ, самъ ею пользуется. Но въ томъ же вре-

мя, силы его имѣютъ чисто божественные размѣры, выходящіе изъ человѣческихъ предѣловъ. Такъ мы видимъ, что страсть его неотразима: ни одна женщина не въ силахъ устоять противъ его обольщеній; онъ непобѣдимъ въ бояхъ и пирахъ и даже святая инквизиція, со всѣми грозными атрибутами своего могущества, бессильна противъ него. Лично для него никакихъ религіозныхъ или нравственныхъ законовъ, установленныхъ средневѣковыми нравами, не существуетъ. Вся поэзія жизни сосредоточивается въ его глазахъ въ любви и наслажденіяхъ земнымъ бытіемъ и кромѣ обаянія этой поэзіи для него не существуетъ ничего завѣтнаго и святого; разъ загорается въ его груди огонь этой поэзіи—и онъ готовъ преступить всѣ семейныя и гражданскія узы. Въ отвагѣ своей, онъ мало того, что объявилъ войну всѣмъ и духовнымъ, и гражданскимъ властямъ, но дерзнулъ бросить вызовъ и самому небу. Такъ, убивши командора и обольстивши потомъ, все равно, жену его или дочь, онъ приглашаетъ статую его на пиршество. Забудьте, какая строгая послѣдовательность мѣра и какъ вѣрнѣе остается Донъ-Жуанъ самому себѣ до самаго конца легенды: своимъ приглашеніемъ статуи, ни на что-иное, какъ именно на пиршество, Донъ-Жуанъ словно, наконецъ, самый загробный міръ призываетъ къ вкушенію сладостей земнаго бытія. Но здѣсь, по понятіямъ современниковъ Донъ-Жуана, переполняется чаша дерзкой отваги протеста противъ аскетизма и изувѣрства средних вѣковъ, или лучше сказать, современники эти выдаютъ дагѣ сами себя: въ страшномъ концѣ легенды, въ появленіи статуи Командора на пиршество и въ увлеченіи ею Донъ-Жуана въ преисподнюю они выразили свое отношеніе къ протесту своего времени и вообще настроеніе эпохи. Очевидно, что протестъ классицизма противъ средневѣковаго изувѣрства, съ одной стороны, привлекалъ ихъ, какъ нѣчто новое, освѣжающее и въ тоже время вполне соответствующее естественнымъ требованіямъ человѣческой природы, освобождающее эту природу отъ оковъ, наложенныхъ мракомъ средневѣковаго невѣжества, но въ тоже время это новое, освѣжающее и освобождающее пугало, именно потому что было новымъ и выходило изъ привычныхъ рамокъ жизни, казалось страшнымъ и губительнымъ съ точки зрѣнія освященныхъ вѣками понятій. Поэтому и Донъ-Жуанъ является, съ одной стороны, доблестнымъ героемъ, возбуждающимъ восторгъ, удивленіе и неодолимое влеченіе къ себѣ, а, съ другой стороны, такимъ страшнымъ и неслыханнымъ злодѣемъ, что, наконецъ, земля была не въ состояніи держать такого нечестивца и небо, возмущенное до послѣдней крайности его дерзостью, было вынуждено послать даже чудо, чтобы избавить міръ отъ этого чудовища.

Таковъ внутренній, философскій смыслъ легенды о Донъ-Жуанѣ, и вы видите, какую стройную поэтическую цѣльность имѣетъ этотъ послѣдній европейскій мифъ, какъ относительно образа своего героя, такъ и относительно фабулы. Здѣсь важ-

дый камушекъ цѣпляется за камушекъ и нѣтъ возможности ничего ни выкинуть, ни измѣнить. Реализуйте вы эту легенду, откиньте вы пиршество со статуею командора и проваливанье въ адъ и Донъ-Жуанъ сейчасъ-же перестаетъ быть Донъ-Жуаномъ въ смыслѣ дерзкаго протестанта, бросившаго гордый вызовъ всѣмъ земнымъ и небеснымъ силамъ, а обращается въ чувственного испанскаго кавалера, пьянаго забіяку и пошлаго клубничника, во чтò-то въ родѣ россійскаго «Бурцева, ёры, забіяки, собутыльника дорогого»... Съ другой стороны, заставьте вы Донъ-Жуана раскаться въ своихъ проказахъ и постричься въ монастырь для замалыванья грѣховъ молодости и выйдесть, я не могу и выразить, какая анти-художественная, кисло-сладкая размазня на постномъ маслѣ. Правда, впоследствии создалась и другая легенда о Донъ-Жуанѣ, именно съ такимъ концомъ раскаянія и постриженія. Но подобный вариантъ легенды могъ возникнуть не иначе, какъ въ средѣ очень набожныхъ католиковъ, можетъ быть, и иезуитовъ. Очевидно, онъ принадлежитъ къ эпохѣ католической реакціи, когда, съ одной стороны, ослабъ духъ религіознаго протеста и протестантизмъ, самъ испугавшись своихъ крайностей, началъ робко отступать и формироваться въ доктринерскія, окаменѣлыя ученія, а научный протестъ классицизма въ свою очередь утратилъ свое обаяніе новизны и, вмѣсто того, чтобы призывать безразлично все человѣчество къ наслажденіямъ земною жизнію обратился въ побрякушку распущенности придворныхъ и великосвѣтскихъ нравовъ; въ тоже время возродившееся усиліями братьевъ Лойолы католичество начало отвоевывать цѣлыя народы и страны. Очевидно, что только тогда Донъ-Жуанъ, отважно подавшій руку желѣзному пожатію страшнаго гостя, могъ превратиться въ Донъ-Жуана, набожно молящагося въ монашеской рясѣ въ католическомъ монастырѣ.

Типы подобныхъ молодужно струсившихъ своей отваги, слезно-вояющихъ протестантовъ являются въ литературѣ всегда не иначе, какъ въ моменты реакцій. Кающійся Донъ-Жуанъ—это Европа, смиренно возвращавшаяся на лоно католицизма въ лицѣ Испаніи, Италіи, Франціи, Австріи, Польши. Замѣчательно при этомъ, что когда литература, въ свою очередь, проникнутая реакціонныхъ духомъ, относится положительно къ подобнаго рода типамъ, она постоянно создаетъ нѣчто анти-художественное, приторно-прѣсное, отталкивающее отъ себя и претащее. Это очень понятно: впечатлѣніе, отражающееся въ художественномъ образѣ, только тогда можетъ дѣйствовать сильно и стройно на вашу душу, когда оно является цѣльнымъ, не разбитымъ, не преломленнымъ, не ослабленнымъ ассоціаціею съ какими-нибудь иными впечатлѣніями, совершенно противоположнаго рода и составляющими диссонансъ съ главнымъ. Въ этомъ-то и заключается вся тайна художественной гармоніи. Представьте-же вы теперь, что едва только вы настроились обаяніемъ молодости, силы, отваги, гордой независимости—вообще, тѣми чарующими впечатлѣ-

ніями, какія навѣваютъ на вашу душу типы протестантовъ—и вдругъ оказывается, что это очарованіе—ложь, миражъ нѣчто весьма недостойное и непохвальное—и вамъ въ видѣ спасительной гавани представляется тотъ же обаятельный образъ въ видѣ какого-нибудь смиреннаго святоши. Вы только представьте себѣ гордаго Чальдъ-Гарольда, купившаго себѣ домъ въ Сити и обратившагося въ добродѣтельнаго лавочника и биржеваго игрока, Печорина, женившагося на Мери и сдѣлавшагося предсѣдателемъ губернской палаты министерства государственныхъ имуществъ, Марка Волохова, обратившагося въ губернскаго штабъ-жандарма.

Я не говорю, чтобы подобныя превращенія были невозможны въ жизни и нетерпимы въ литературѣ; я указываю только на анти-художественность положительнаго отношенія литературы къ нимъ. Вы замѣтите, при этомъ, что всѣ художники, съ маломальски сильнымъ и тонкимъ художественнымъ чутьемъ, выводя типы какихъ-либо протестантовъ, постоянно оставляли ихъ протестантами до конца произведеній и по большей части заставляли ихъ умирать какою-нибудь насильственной смертію. Такъ точно и большинство европейскихъ писателей, начиная съ Габріеля Телець (Гирсо-де-Молина) и кончая Пушкинымъ, выводившихъ на сцену Донъ-Жуана, положительно или отрицательно относились они къ этому типу, постоянно брали для фабулы своихъ произведеній, первый вариантъ легенды и оставляли Донъ-Жуана самимъ собою до проваливанья съвозъ землю. И одному только гр. А. Толстому пришло въ голову воспользоваться вторымъ, позднѣйшимъ вариантомъ и заставить Донъ-Жуана трогательно умирать въ севильскомъ монастырѣ при набожныхъ хорахъ монаховъ. Но этого еще мало: гр. А. Толстой вздумалъ смѣшать въ одну кашу оба варианта легенды и для этого реализировалъ пиршество со статуею командора такимъ образомъ, что Донъ-Жуанъ, по окончаніи пира, упалъ въ обморокъ и видѣлъ во снѣ появленіе статуи и увлеченіе въ адъ, а когда проснулся, узналъ, что Дона-Анна отравилась и убѣдился, что онъ ее все-таки не перестаетъ любить—тутъ-то и раскаялся во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ.—Я не могу себѣ представить большей степени художественнаго безвкусія, какъ подобная реализація мифовъ. Я допускаю, что мифъ можетъ быть у каждаго писателя обработанъ по своему, сообразно духу времени и степени общественнаго развитія. Такъ напримѣръ, конечно, эскиловскій Прометей, далеко не тотъ Прометей, какого создали тѣ эллины-дикари, которые только-что дошли до употребленія огня и прославили свое изобрѣтеніе въ прометеевскомъ мифѣ. Конечно, гётевскій Фаустъ имѣетъ очень мало общаго съ Фаустомъ средневѣковой легенды. Вѣдь и Донъ-Жуанъ у каждаго изъ писателей, выводившихъ его на сцену, выходилъ свой особенный Донъ-Жуанъ. Несколько не въ претензіи я, что и гр. А. Толстой вывелъ своего собственнаго, особеннаго Донъ-Жуана, болѣе

похожаго на Фауста, чѣмъ на Донъ-Жуана въ собственномъ смыслѣ этого слова: такъ, у гр. Толстаго, Донъ-Жуанъ кутить и переходить отъ одной женщины къ другой не отъ избытка и разгула жизненныхъ силъ, вырвавшихся на волю изъ-подъ гнета католическаго аскетизма, а вслѣдствіе романтическаго исканія вполне идеальной женщины и постоянного разочарованія въ дѣйствительныхъ женщинахъ. Но я протестую противъ реализаціи фантастическихъ элементовъ мифовъ и легендъ. По моему мнѣнію, если хочешь быть реальнымъ писателемъ до конца ногтей, такъ и не бери легендъ фабулами своихъ произведеній, а ищи дѣйствительныхъ, вполне реальныхъ сюжетовъ. А если тебѣ хочется брать легенды, то бери ихъ всецѣло, памятуя, что въ фантастическихъ элементахъ этихъ легендъ и заключается обыкновенно вся и поэтическая, и философская суть ихъ. Вамъ известна конечно, народная легенда о томъ, какъ Іисусъ Христосъ явился въ одеждѣ нищаго въ русскую деревню, стучался во всѣ окна, прося ночлега; но нигдѣ его не приняли, а изъ богатыхъ хать прогнали даже съ бранью и побоями, а приютилъ его самый бѣднѣйшій крестьянинъ, въ награду за что и былъ обогащенъ: у него уголья на шестѣ превращены были въ червонцы. Согласитесь сами, что вся поэзія, вся сила этой легенды въ томъ именно и заключается, что тутъ является на сцену Іисусъ Христосъ и что зазнавшіеся и возгордившіеся богачи гнали и поругали самого Бога. Но вы вообразите себѣ только, что вышла бы за нелѣпость и за пошлость, еслибы иной реальный поэтъ захотѣлъ-бы воспользоваться этою легендою, да только изъ излишняго усердія къ своему реализму вздумалъ-бы замѣнить Іисуса Христа какимъ-нибудь переодѣтымъ въ нищенское платье богачемъ-филантропомъ, который въ награду за гостепримство бѣднаго мужика, тихонько подложилъ-бы ему на шестокъ, подъ уголья червонцы. Но, по моему мнѣнію, еще нелѣпѣе, еще пошлѣе, когда фантастическій элементъ легенды представляется въ видѣ сновъ или обмороковъ дѣйствующихъ лицъ легенды. Донъ-Жуана, сдѣлавшаго въ своей отвагѣ вызовъ самому загробному міру и павшаго въ неравной борьбѣ, я понимаю въ той же степени, какъ и Святогора, вздумавшаго помѣряться съ тягою земли и въ свою очередь ушедшаго въ землю, но Донъ-Жуанъ, упавшій вдругъ въ обморокъ, какъ нервная барышня, и видѣвшій во снѣ появленіе на пиршествѣ статуи—это верхъ художественной безвкусицы, это положительный абсурдъ. Легенда, теряя такимъ образомъ свой фантастическій смыслъ, не приобретаетъ взамѣнъ этого ни малѣйшаго смысла реального, потому что, подумайте только, какихъ нелѣпыхъ сновъ не бываетъ и что значилъ подобный вздорный сонъ для Донъ-Жуана, когда я убѣжденъ, что еслибы самъ гр. А. Толстой увидѣлъ во снѣ появленіе сотни командорскихъ статуй, это не помѣшало-бы ему остаться все тѣмъ-же графомъ А. Толстымъ, встать утромъ съ по-

стели, какъ встрепанному, и принятыя тотчасъ за художественное созерцаніе какого-нибудь рѣдкостнаго фавна.

Остается сказать нѣсколько словъ о драматическихъ произведеніяхъ гр. А. Толстаго, о его историческихъ хроникахъ (Іоаннъ Грозный, Борисъ Годуновъ, Царь Ѳеодоръ) въ связи съ романомъ Бязь Серебрянный; но обо всемъ этомъ я ограничусь только нѣсколькими словами, такъ какъ, года три тому назадъ, мнѣ приходилось уже подробно трактовать объ этихъ произведеніяхъ гр. А. Толстаго на страницахъ этого журнала. Остается только припомнить читателямъ вкратцѣ высказанныя тогда мною взгляды и связать ихъ съ теперешнемъ общимъ анализомъ характера творчества гр. А. Толстаго. Драмы эти составлены очень толково, умно, вполне исторически вѣрно; на каждую, безъ сомнѣнія, положено не мало трудовъ изученія эпохи и героевъ ея. Но главные недостатки ихъ заключаются въ томъ, что въ нихъ и тѣни нѣтъ драматическаго паюса: дѣйствія въ нихъ мало, эпическій, бытоописательный элементъ преобладаетъ надъ драматическимъ, сюжеты не представляютъ той цѣльности и законченности, какая требуется отъ драмы, вслѣдствіе всего этого драмы эти скучноваты на сценѣ и годятся болѣе для чтенія, чѣмъ для игры. Подобные недостатки этихъ драмъ, очевидно, находятся въ тѣсной связи съ общимъ характеромъ творчества гр. А. Толстаго. Они зависятъ прямо отъ того, что, какъ все написанное графомъ, и драмы эти составляютъ продуктъ кабинетнаго, отвлеченнаго творчества по книгамъ. Они составлены по источникамъ, какъ составляются историческія диссертациі, а не созданы какими-либо сильными импульсами жизни, одушевившими поэта и направившими его творчество. Замѣчательно при этомъ, что даже и въ этихъ произведеніяхъ, составленныхъ по древнимъ лѣтописямъ и актамъ, несмотря на все погруженіе поэта въ чисто-русскую, непримѣсную жизнь, онъ не могъ остаться вполне самимъ собою. Нѣтъ, у него тотчасъ же явилась претензія представить изъ себя Шекспира — и вотъ онъ въ самой видной своей драмѣ, Іоаннъ Грозный, заставилъ какихъ-то волхвовъ-кореловъ разыграть передъ Борисомъ Годуновымъ роль мабетовскихъ вѣдьмъ и ударился въ крайность, противоположную той, какую мы видѣли въ его «Донъ-Жуанъ». Тамъ онъ вздумалъ реализовать фантастическій элементъ легенды, а здѣсь, напротивъ того, ему пришло въ голову самовольно ввести фантастическій элементъ въ реальную жизнь — и вышло также некстати и также пошло.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ еще о весьма странномъ и необъяснимомъ недостаткѣ творчества гр. А. Толстаго, недостаткѣ, впрочемъ, виѣшнемъ. Мы видѣли изъ автобіографіи графа, что онъ началъ писать стихи съ 6 лѣтнаго возраста, увлекшись какими-то толстымъ сборникомъ лучшихъ русскихъ поэтовъ. При этомъ графъ считаетъ не лишнимъ замѣтить, что какъ ни были нелѣпы его первые опыты, но въ метрическомъ отношеніи они были безупречны. Но не диво-ли,

что въ то самое время, какъ поэтъ считалъ безупречными въ метрическомъ отношеніи свои первые опыты шестилѣтняго ребенка, на дѣлѣ же стихотворенія графа А. Толстаго, писанныя имъ въ продолженіи всей жизни, далеко нельзя назвать безупречными въ метрическомъ отношеніи. Я не говорю уже о томъ, что вообще его стихъ тяжеловатъ, не отличается особенно гармоничностью и плавностью и видно, что не легко ему давался, но очень нерѣдко въ его стихотвореніяхъ вы можете встрѣтить стихи, положительно неправильные, которые могутъ быть введены въ размѣръ только при искаженіи нѣкоторыхъ словъ въ ихъ удареніяхъ. Какъ вамъ понравятся, на примѣръ, такіе неулюжіе стишки:

И ничего въ природѣ нѣтъ
 Что бы любовью не дышало...
 Галокъ стая вьеть
 Поганья гнѣзда...
 Будешь красоваться листьями убрѣна...
 Ассиріяне шли какъ на стадо волки и пр,

Встрѣчаются также и такіе стихи, которые метрически совершенно правильны, но дорого досталась повидимому автору эта правильность. На примѣръ, какъ вамъ правится художественная прелесть и изысканность такого выраженія:

Все звонкое *птаство* летаетъ кругомъ,
 Лигуючи въ тысячу *лаотокъ*...

Эти два стиха хоть бы и Тредьяковскому въ пору. Я не знаю ужъ, какъ объяснить эту шероховатость стиховъ гр. А. Толстаго, небрежностью ли, съ какою онъ относился къ внѣшней отдѣлкѣ своихъ стихотвореній, недостаткомъ ли музыкальнаго уха, не искусствомъ ли владѣть стихомъ, или и здѣсь, можетъ быть, въ свою очередь играетъ роль тотъ же характеръ творчества гр. А. Толстаго. Я полагаю, что каждый пишущій стихи замѣчалъ не разъ, что чѣмъ сильнѣе онъ возбужденъ или вдохновленъ, какъ выражались прежде, къ изложенію своихъ мыслей стихами, тѣмъ легче давались ему стихи, тѣмъ они выходили гармоничнѣе и плавнѣе. Напротивъ того, искусственно слагать стихи при совершенно спокойномъ расположеніи духа безъ всякаго нервнаго возбужденія — бываетъ чрезвычайно трудно, какъ бы ни владѣли вы искусствомъ римоплетства. Попробуйте переложить въ стихи какую нибудь алгебру и вы увидите, насколько это труднѣе, чѣмъ написать стихотворное любовное посланіе въ порывѣ молодой страсти. Очень можетъ быть, что оттого у гр. А. Толстаго и выходили стихи такъ тяжеловаты и шероховаты, что ему приходилось писать не въ порывѣ естественныхъ жизненныхъ возбужденій, а вымучивать ихъ, искусственно слагая холодныя измышленія различныхъ художественныхъ созерцаній.

Я кончилъ, и мнѣ очень грустно, что о недавно умершемъ поэтѣ мнѣ пришлось изрѣчь столько суровыхъ и черствыхъ приговоровъ. Чтобы смягчить ихъ хоть сколько нибудь, въ видѣ

послѣсловія, я ставлю вотъ какой вопросъ. Мы видимъ, что во всѣхъ искусствахъ существуетъ строгое раздѣленіе двухъ областей, изъ которыхъ одна другую питаетъ и поддерживаетъ, но въ то же время между этими двумя областями ставится рѣзкая грань, и никому въ голову не приходитъ смѣшивать обѣ области; каждая можетъ имѣть своихъ мастровъ и свои шедевры, но опять таки никто и не подумаетъ маэстра одной области переносить въ другую. Это—область искусства въ истинномъ и въ моемъ смыслѣ этого слова, искусства живаго, творящаго, развивающагося и искусства, если можно такъ выразиться, аксесуарно-техническаго, низшаго, паразитно-питающагося соками высшаго искусства. Такъ, на примѣръ, никто вамъ не мѣшаетъ восхищаться работами Сазикова и Овчинникова и платить за нихъ большія деньги; но придетъ ли кому въ голову сравнивать эти работы съ произведеніями великихъ ваятелей въ родѣ Бенвенуто-Челлини, и, съ другой стороны, съ чѣмъ сообразно, еслибы кто-нибудь вздумалъ презрительно относиться къ работамъ Овчинникова и Сазикова только потому, что эти работы не могутъ быть сравнимы съ такими же работами Бенвенуто-Челлини. Нѣтъ, всякій знаетъ, что Бенвенуто-Челлини одинъ изъ первыхъ маэстро въ своей области, и Овчинниковъ и Сазиковъ тоже первые въ своей. Тоже самое и въ музыкѣ: восхищеніе Бетховеномъ или Моцартомъ нисколько не мѣшаетъ вамъ находить, что вотъ въ данномъ трактирѣ существуетъ такой прекрасный органъ, лучше котораго вы не слышали и потому чаще посѣщать этотъ трактиръ съ спеціальною цѣлю наслаждаться звуками органа: Бетховень первый—въ своей области, трактирный органъ—въ своей, и одинъ другому въ вашихъ глазахъ нисколько не мѣшаетъ быть первымъ. Точно также можетъ быть первый декораторъ въ городѣ безъ всякаго сравненія съ Рафаелями и Сальваторами-Розами и пр.

Скажите вы мнѣ, пожалуйста, отчего же въ одной только поэзіи не существуетъ никакого такого раздѣленія подобныхъ же областей, а всѣ поэты, мало мальски способные связать двѣ рѣчи, безразлично смѣшиваются въ одинъ безразличный хаосъ знаменитостей, всѣ тянутся если не въ Шекспира и Гёте, по малой мѣрѣ, въ Пушкины—и критика непременно должна глубокомысленно рѣшать, какое значеніе имѣетъ рѣчосплетатель въ судьбахъ русской литературы, что онъ внесъ въ нее, создалъ, а если окажется, что ничего особеннаго не создалъ, то непременно за тѣмъ должно послѣдовать презрѣніе, пренебреженіе—съ одной стороны, а съ другой—оскорбленіе самолюбія, если поэтъ живой, или памяти его, если онъ покойный?

А между тѣмъ, попробуйте разграничить обѣ области столь же строго, какъ онѣ разграничены въ другихъ искусствахъ, вы сами сразу признаете первыми маэстрами такихъ поэтовъ, какіе нынѣ считаются одними изъ самыхъ послѣднихъ, хотя, конечно, приятно вамъ и въ голову не придетъ задавать глубоко-

мысленные вопросы, имѣютъ ли эти поэты какое-либо значеніе и какое именно въ судьбахъ развитія русской поэзіи.

Точно также и относительно графа А. Толстаго. Конечно, послѣ тѣхъ колѣбнопреклоненій передъ его поэзіею, которыя расточались въ прошломъ году и въ «Вѣстникѣ Европы», и въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и во многихъ газетахъ, мои приговоры имѣютъ мѣсто, какъ стремленіе умѣрить пылъ этихъ колѣбнопреклоненій и опредѣлить болѣе хладнокровно и безпристрастно, чѣмъ же именно заслужила поэзія гр. А. Толстаго подобныхъ овацій. Но представьте себѣ, что заранѣе, безъ всякихъ сомнѣній и недоумѣній было бы понятно всѣмъ и каждому, что стихотворенія гр. А. Толстаго имѣютъ такое же значеніе въ литературѣ, какъ занавѣси театровъ въ живописи, какъ канделябры или бронзовыя статуи подѣ лампы работы того или другого знаменитаго маэстро въ этомъ родѣ, какъ вальсы Штрауса и т. п. Тогда, конечно, мои приговоры не имѣли бы ровно никакого смысла. Говорить о недостаткахъ описаній природы въ стихотвореніяхъ гр. А. Толстаго, о промахахъ поэмы «Донъ-Жуанъ», о снотворности его драматическихъ хроникъ или шероховатости стиховъ было бы также нелѣпо, какъ замѣчать о недостаткѣ экспрессіи въ лицѣ купающейся нимфы на занавѣси театра или о несоразмѣрности членовъ бронзоваго рыцаря, держащаго въ рукахъ канделябръ со свѣчами. Напротивъ того, я съ своей стороны готовъ былъ бы признать гр. А. Толстаго, однимъ изъ первыхъ маэстровъ по части галантерейной поэзіи, готовъ былъ бы искренно признаться, что многія изъ его произведеній не разъ доставляли мнѣ большое наслажденіе, что и впредь я готовъ послѣ сытнаго обѣда, въ пріятной дамской компаніи усладить свой досугъ на ряду съ лучшими конфектами изъ самой модной кондитерской декламациею чего-либо въ родѣ

Колокольчики мои,
Цвѣтныя степные и пр.

А. Снабичевскій.